

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

ОТ КИЕВА ДО МОСКВЫ

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКОЙ РУСИ

Валерий Евгеньевич Шамбаров
История княжеской Руси.
От Киева до Москвы
Серия «История допетровской Руси»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17694491

*История княжеской Руси. От Киева до Москвы/ Шамбаров В.Е.:
Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0113-1*

Аннотация

Книга известного российского историка Валерия Шамбарова, посвящена периоду возникновения и развития Древнерусского государства со времен Рюрика и до появления первых московских князей – св. Даниила и Ивана Калиты. Читатель, даже неплохо знакомый с отечественной историей, узнает из книги много нового и интересного о жизни великих князей, перипетиях политических взаимоотношений с Византией и Западом, междоусобных войнах... Св. Владимир, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Александр Невский – вот далеко не полный перечень тех князей, о которых рассказано в этой книге.

Содержание

1. Залесская земля	4
2. Св. Владимир Креститель	17
3. Св. Владимир и соседи Руси	27
4. Св. Владимир и его сыновья	36
5. Св. Владимир и его богатыри	48
6. Св. Владимир и заговорщики	62
7. Святые Владимир, Борис, Глеб и Святополк Окаянный	74
8. Ярослав Мудрый	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

В.Е. Шамбаров

История княжеской Руси. От Киева до Москвы

1. Залесская земля

Верховья Волги, Днепра, тихая спокойная Ока с ее лесными притоками... Этот край принято называть сердцем земли Русской. Но так было не всегда. В течение тысячелетий здешние места оставались глухим и далеким углом обитаемого мира. В незапамятных глубинах прошлого тут жили племена ариев, оставившие о себе память разве что в названиях речек. Арии растеклись по земле, завоевывая страны и континенты, и пришли другие народы. Самым древним из тех, кто известен нам по историческим источникам, были угры. Они тоже оставили нам на память имена рек – Угра в Тульской обл., Угреша и Угричка в Московской. Угров упоминали Геродот и еще ряд античных авторов, искажая названия, писали: йирки, урки, уроги. Археологи связывают с этим народом Дьяковскую культуру – по городищу-крепости Дьяково (ныне в черте Москвы). А славяне именовали угров берендеями, отсюда и царь Берендей русских сказок [[105](#), [106](#), [108](#)].

Во II в. до н. э. на юге начались жестокие войны. Погибла Скифия, одна за другой по степям хлынули войны сарматских народов. Некоторые угорские племена участвовали в этих переселениях и сражениях, двинулись на юг, в привольные лесостепные районы. А на север, в более спокойные места, отступали финны. Здешних угров они вытеснили на восток, в Приуралье. На Оке обосновалось племя мурома, по соседству мещера, междуречье Оки и Волги заняло многочисленное племя меря, у Белого озера поселилась весь, у Финского залива ижора, нарова, чудь. От воинственных южных соседей отступили и племена балтов, расселились полосой от Западной Двины через верховья Днепра к верховьям Оки.

В IV в. в Причерноморье возникла обширная империя готов. Их король Германарих совершал завоевательные походы в разных направлениях, в том числе на север. Среди народов, которые он обложил данью, были и мордва, меряне, весь, чудь. Но империя была непрочной, в 371 г. ее разгромили гунны, и держава распалась. А в VI в. в Паннонии образовался могущественный и хищный Аварский каганат. Он сокрушил славянскую Антию, подверг ее земли жуткому опустошению, поработил соседние народы, и в начале VII в. произошли новые масштабные переселения.

Племя словен и часть русов отправились на север, остановились возле озера Ильмень и Ладоги, заключив союз с местными финнами, наровой и ижорой. На север ушли и криви-

чи, жившие в верховьях Немана. На Двине их остановили балты, и они осели по р. Полоте. Но со временем в жестокой войне славяне одолели балтов. Те, кто остался на Полоте, стали полочанами, а кривичи прорвались к Псковскому озеру и верховьям Днепра. От аваров изрядно досталось и ляхам. От них отделились две партии и двинулись на восток. Одна обосновалась в Среднем Поднепровье, радимичи. Вторая, вятичи, добралась до Десны. Они тоже сражались с балтами. Археология показывает, что крепости на территории Брянской и Тульской областей брались штурмом, после чего балтскую культуру сменила славянская [19]. Разгромив противника, вятичи стали продвигаться на Оку. А балтское племя галиндов отошло в леса, поселилось по р. Протве.

Северный край лежал далеко от центров тогдашней мировой политики, но он был богатым. В лесах в изобилии водились пушные звери, а меха высоко ценились на рынках Средиземноморья, Византии, Востока. В лесах было много пчел. А воск был ценнейшим товаром, восковые свечи стоили дорого, их могли себе позволить только очень состоятельные люди и храмы. Северные реки служили важными дорогами, связывали между собой Балтийское, Каспийское, Черное моря. Этими путями пользовались еще скифы. Пользовались и болгары, основавшие в VII в. ханство на Средней Волге и Каме. Ими стали пользоваться и славяне. Словене и кривичи установили дружеские отношения с финскими народами, ездили к ним скупать пушнину, мед, воск, проложи-

ли на Волгу постоянные дороги. Финны, в свою очередь, ездили торговать в Ладогу, Псков, Смоленск, перенимали славянскую культуру. У них появились свои города, у веси – Белоозеро, у мерян – Ростов, у муромы – Муром.

Хотя богатства и торговые пути интересовали не только друзей. В конце VIII в. Ладогу захватили скандинавские викинги. Отсюда они начали совершать экспедиции в глубь материка. Вслед за словенами покорили кривичей, чудь, весь, мерян. Но эти племена восстали под предводительством князя Гостомысла, изгнали захватчиков, а чтобы на будущее противостоять врагам, объединились [39]. Образовалось большое и сильное государство, Русский каганат. А в IX в. с низовий Волги развернулась экспансия иудейского Хазарского каганата. На юге он подчинил славянские княжества северян, полян, радимичей. Продвигаясь на север, шаг за шагом подмял и обложил данью буртасов, мордву, черемисов, мурому, вятичей. Русский каганат был ему не по зубам, но около 844 г. умер князь Гостомysl, и его держава распалась в междоусобицах. Хазары этим не преминули воспользоваться, покорили мерян. Граница их владений дошла до верховий Волги.

Положение изменилось через два десятилетия. Словене, кривичи, чудь и весь снова решили объединиться, призвали от прибалтийских славян-ободритов князя Рюрика, внука Гостомысла по дочерней линии [39, 94, 106]. Между 862 и 864 гг. он провел успешную войну с хазарами, в состав Ру-

си перешло междуречье Волги и Оки, племена меря и мурома, в Ростове и Муроме появились княжеские наместники. Рюрик начал «грады ставити» – опорные пункты своей администрации, таможенные и пограничные заставы. По Волге пошла оживленная торговля. С Балтики через Ладогу ехали купцы в Волжскую Болгарию, в хазарский Итиль. Сюда начали переселяться кривичи, строили деревни по соседству с мерянами, и никаких конфликтов это не вызывало. Свободной земли хватало, а места были выгодными: тем же проезжим купцам нужны были хлеб, мясо, рыба, пиво. Если балтийские варяги везли на продажу невольников, то и для них требовалось покупать продукты у местного населения.

Жители Ростова участвовали в войнах Вещего Олега, в его походе на Константинополь, привезли домой богатые трофеи [12]. По Волге войска русичей стали ходить через Хазарию на Каспий. Но в 912 г. Олег умер. Улучив момент, хазарский царь Вениамин вероломно вырезал нашу армию, возвращавшуюся из Закавказья, и Русь опять развалилась в межплеменных драках. А Хазария возобновила наступление, захватила Волжскую Болгарию, восстановила свое владычество над муромой и мерянами, каганат раскинул шупальца до стран приуральской югры, до Белоозера, области племени весь [35]. Только в 965 г. великий князь Святослав Игоревич нанес Хазарии смертельный удар. Вятичи и мурома, с которых каганат драл тяжелую дань, охотно заключили союз с князем, пропустили его войско по Оке, хазарское

войско было разгромлено, огромный Итиль, город роскоши, денег, страданий и слез порабощенных людей, разрушен до основания.

Однако вятичи, освободившись от хазар, не желали повиноваться и киевским князьям. Узнав, что Святослав выступил на Дунайскую Болгарию, они восстали. Князь таких шуток терпеть не стал. Сразу повернул войско в противоположном направлении, вятичей разбил и наложил на них дань. Не хотите служить Руси по-хорошему, извольте платить. Хотя он сохранил побежденным их обычаи, внутреннее самоуправление, племенных князей и старейшин. Меряне, мещеры и мурома повели себя иначе. Они уже успели побывать и под властью русских князей, и под властью хазар, поэтому выбор сделали однозначный, и в состав Руси вернулись безоговорочно.

На Балканах Святослав Игоревич одолел болгар, потряс Византийскую империю. Но удержаться на Дунае он не сумел. Греки натравливали на Русь своих союзников, печенегов, подстрекали против Святослава подчинившихся ему властителей Болгарии Бориса II и Романа, объявляли их своими «друзьями», обещали женить на родственницах императора. Но это были лишь обычные византийские хитрости. В 971 г. внезапным вторжением греки раздавили Болгарию, осадили русичей в Доростоле. После кровопролитных боев Святослав согласился уйти с Балкан, за это византийцы обязались платить ему дань, признали русскими владениями от-

нятые у Хазарии Керчь и Тамань [27].

Впрочем, император Цимисхий и глава греческого дипломатического ведомства епископ Феофил нашли более радикальное средство избавиться от могущественного соседа. Феофил вел переговоры о мире с княжеским воеводой Свенельдом, потом лично отправился к печенегам, предупредил их, что Святослав пойдет по Днепру с поредевшей дружиной и огромной добычей. Правда, князь отправил Свенельда в Киев сухим путем, чтобы он организовал подмогу и встречу. Но воевода предал его. Захватил под свое влияние 10—11-летнего княжича Ярополка Святославича, сговорился со столичными боярами. Святослав и его воины, не в силах пробиться через полчища печенегов, зимовали в пустынном Белобережье в устье Днепра, голодали, умирали от болезней – помощь из Киева к ним так и не пришла. По весне, обессиленные и измученные, они попытались прорваться и у днепровских порогов попали в засаду, князь со своей дружиной сложили головы в неравном бою.

Фактическим правителем при малолетнем Ярополке стал Свенельд. Но для государства это обернулось очередным распадом. Узурпатора не признали древляне, у которых княжил еще один мальчик, Олег. Не признал Новгород, где княжил мальчик Владимир с воспитателем-дядькой Добрыней. Вятичи и радимичи просто отпали от Руси. А на земли муромлян и мерян нацелилась Волжская Болгария. Она считала себя преемницей погибшей Хазарии, высылала военные

экспедиции, заставляла жителей Верхней Волги и Оки принимать свое подданство, набирала пленных для продажи в мусульманские страны.

Главный выигрыш от переворота в Киеве получила Византия. Она смогла забыть о выплатах обещанной дани, не опасаться Русской державы и не считаться с ней. Греки без помех завершили завоевание Восточной Болгарии, превратив ее в свою провинцию. Царь Борис II униженно прошел в триумфальном шествии по Константинополю, сложил с себя царские регалии и был оставлен второразрядным придворным, его брата Романа издевательски оскостили [100]. Греки постарались лишить Русь и выхода к морю. Вопреки договору со Святославом, признавшим «Боспор Киммерийский» владением Киева, позволили иудейским купцам возродить в Керчи и на Тамани осколок Хазарского каганата.

Византия стала опорой и для Свенельда с Ярополком. При ее поддержке Ярополк заключил союз с печенегами, убийцами своего отца. Свенельд позаботился упрочить отношения с Константинополем. Когда князь подрос, женил его на неизвестно откуда появившейся гречанке, якобы пленной монахине. При ней в княжеском дворце появились византийские священники – разумеется, не случайные люди. В 977 г. разразилась гражданская война. Свенельд нанес сокрушительное поражение древлянам, 15-летний Олег Святославович погиб. Юный Владимир с Добрыней вынуждены были бежать за море к варягам. Но новгородцы не оставили их, снаб-

дили деньгами, поддерживали связь. А правление Свенельда и прочих бояр-временщиков очень быстро допекло народ. В 979 г. Владимир и Добрыня с небольшим отрядом вернулись в Новгород, и на их сторону сразу же перешла вся Северо-Западная Русь – словене, кривичи, чудь.

Киевские правители заключили союз с Полоцком. Он успел обособиться от Руси, там утвердилась самостоятельная варяжская династия неизвестного происхождения. За Ярополка сосватали дочь полоцкого князя Рогволда Рогнеду. Владимир попытался разрушить этот альянс, тоже посватался к Рогнеде, но получил не просто отказ, а страшное оскорбление, его обозвали «робичичем», сыном рабыни. Ставилось под сомнение его происхождение от Святослава – мало ли кто попользовался матерью-невольницей? Ответ был быстрым и красноречивым. Владимир с войском мгновенно оказался у стен Полоцка и взял его штурмом. По совету Добрыни князь овладел Рогнедой на глазах отца и братьев и велел их казнить.

Хотя все это четко вписывалось в рамки языческой морали. Подобное оскорбление можно было смыть только кровью. А Рогнеда отнюдь не считалась поруганной и обесчещенной. По тогдашним понятиям Владимир всего лишь добился своего – сделал ее своей женой, пусть и против ее воли [30]. Народ его поведение ничуть не осудил, популярность князя только возросла. На Киев с ним выступило многочисленное ополчение славянских и финских племен. Северяне

и поляне без боя пропускали Владимира мимо своих крепостей. Ярополка же не поддержал никто. Он не надеялся даже на столичных жителей. Не рискнул выйти в поле, заперся в городе, а потом удрал. Киевляне и впрямь не выказали ни малейшего желания сражаться за него, как только князь исчез, открыли ворота.

Ярополк некоторое время отсиживался в крепости Родне. Единственным верным его подручным оказался вообще не русич, а приبلудный Варяжко. Князю и бежать-то было некуда. Ни к древлянам, ни к северянам, ни к полянам – а только, как советовал Варяжко, к печенегам, навести на собственную страну кочевников. Но другие советники во главе с боярином Блудом уже поняли, что песенка князя спета, уговорили его сдаться, и он был убит наемными варягами. Кстати, и это полностью соответствовало нормам русского обычного права. За смерть родственника следовало мстить смертью – какая же еще кара могла быть для Ярополка, отцеубийцы и братоубийцы, пусть даже действовавшего под влиянием Свенельда?

Утвердившись в Киеве, Владимир заново принялся собирать рассыпавшуюся Русскую державу. Воспользоваться смутами на Руси попытался польский король Мешко I, захватил прикарпатские города – их называли Червенскими или Червонной Русью. Великий князь сразу же всыпал полякам и вернул утраченное. Два года ему пришлось вести изнурительную войну с вятичами, осаждать и брать их лесные

крепости, пока они все-таки не признали подданство. Государь совершил поход и на запад, смирил нападавших на Русь ятвягов, куров, ливов, эстов, заставил их платить дань. Привел к повиновению радимичей. А в 984 г. с большой армией, конными дружинами и пехотой на ладьях, двинулся против волжских болгар. Сражения развернулись на Оке и Волге, победа осталась за Владимиром. На земли самой Болгарии он не претендовал, но потребовал, чтобы соседи больше не совались в чужие владения.

Так будущая сердцевина России окончательно вошла в состав Руси. Впрочем, только будущая. В X в. это была далекая окраина. Ее и Русью-то никто не называл. Под «Русской землей» понимали Поднепровье, Волынь, Новгород [12]. А здешний край называли Залесской землей, укрытой от Руси за далекими лесами. И сама эта земля представляла собой сплошное лесное море. На возвышенностях – вековые боры и дубравы, перекрытые непролазными завалами буреломов. В низинах – глухомань бескрайних болот. А среди них – разбросанные там и тут мерянские деревеньки с жилищами-полуземлянками. Лишь в одном месте в глубинах чащоб раскинулось открытое пространство, Суздальское ополье с плодороднейшей черноземной почвой. Как раз его и осваивали славянские землепашцы.

Но Залесские дебри не были непроходимыми. Сквозь них, обходя буреломы и гиблые топи, струились тропинки, знакомые местным жителям. Струились и реки с речушками.

Они были куда более полноводными, чем теперь. Чистыми, глубокими, наполненными прозрачной свежестью лесных родников. Реки готовы были накормить любого, кто не поленился, щедрыми уловами рыбы. В половодья расширяли свои берега роскошными заливными лугами, приглашая пасти скот. Реки переплетались, сходились между собой, сращиваясь системами волоков, зимой несли на себе быстрые сани, летом лодки. Главная из этих дорог прорезала Залесский край как раз посерединке, по р. Клязьме.

Спускаясь по ней, можно было попасть в Оку, а оттуда в Волгу. Поднявшись по притоку Клязьмы Нерли, через волок перетаскивали лодки в другую Нерль, она тоже вела к Волге, и значительно сокращалось расстояние, которое путешественник проделал бы, огибая Волгой всю Залесскую землю. Да и плавание было более безопасным, чем по великой реке – буря не потопит, в любой момент не трудно пристать к берегу. Если же подняться к верховьям Клязьмы, оттуда вел волок в Язу и Москву-реку. А от верховий Москвы-реки через притоки – на Днепр, в район Смоленска.

На столь важной дороге издавна возникали торговые поселения. На месте г. Владимира найдены монеты VII–VIII вв.[\[12\]](#) Существовала и Москва, хотя она еще не упоминалась ни в одном письменном источнике и неизвестно, как она называлась. Но под слоем построек Юрия Долгорукого археологами вскрыт более древний город с крепостными стенами, благоустроенными деревянными мостовыми, а одна из

площадей была вымощена совершенно необычным образом, бычьими черепами. Здесь найдены монеты эпохи Рюрика, 862 и 866 г. [49] В крепости жили чиновники, воины, собирали дань с мерян, но и оберегали их от воинственных вятичей, галиндов, болгар, хазар. Контролировали и торговый путь. Волок между Клязьмой и Яузой не зря получил название Мытищинского – тут располагалась таможня, собирали мыт, пошлину. Очень удобно: купцы разгружали лодки, чтобы перетащить в другую реку, тут-то можно было пересчитать у них товары и взять нужную сумму.

2. Св. Владимир Креститель

Владимир завершил дело своих предшественников – Рюрика, Вещего Олега, деда Игоря, бабки св. Ольги, отца Святослава. Под его рукой собралась Русская держава от Карпатских гор до северной тайги, от Балтики до мусульманской Волжской Болгарии. Эта держава была своеобразной, с самобытными традициями, древней культурой. Объединяющим государственным началом являлась власть великого князя. Он командовал войском, возглавлял правительство, был высшей судебной инстанцией. Существовали и законы. Они еще не фиксировались письменно, вырабатывались на основе обычаев, но обычное право было не менее прочным, чем, например, продажная византийская юриспруденция или запутанная римская, внедрявшаяся в Западной Европе. Как мы уже видели, некоторые из обычаев того времени могли показаться нынешнему человеку дикими и шокирующими. Но мораль язычников в X в. была совершенно иной, не похожей на нашу с вами. Для тогдашних людей подобные традиции представлялись вполне естественными, само собой разумеющимися. Впрочем, великий князь мог корректировать законы, если сочтет это необходимым.

Его опорой, основой аппарата управления, а одновременно и войска, была дружина. Она разделялась на старшую и младшую. Старшую составляли бояре, помощники и совет-

ники государя, на войне они командовали отрядами, в мирное время занимали высокие административные посты. В младшей служили гриди или отроки – профессиональные воины, исполнители отдельных поручений, их определяли и на низшие должности в администрации. Дружины русских князей насчитывали от нескольких сотен до нескольких тысяч бойцов, но и бояре содержали собственные дружины [33].

Русь была далеко не монолитной. Исторически она сформировалась из двух десятков славянских и финских племен: поляне, древляне, северяне, словене, кривичи, уличи, тиверцы, волыняне, полочане, дреговичи, радимичи, вятичи, нарова, ижора, весь, воль, чудь, меряне, муромляне, мешчеряки... Они имели разное происхождение, присоединялись к Руси в разное время, кто-то добровольно, кто-то в результате войн. Многие из этих племен прежде были независимыми княжествами, дружили или враждовали между собой. Отличались их обычаи, религиозные верования и обряды.

Племенные области в едином государстве сохранились, но стали обозначаться по городам. Вообще городов на Руси было много, только по письменным источникам насчитывают более 200. Норманны называли нашу страну «Гардарики» – «страна городов» (во всех скандинавских странах вместе взятых насчитывалось лишь 7 городов). Но русская терминология была несколько иной. Собственно «городом» считалась только «столица» области, остальные города чис-

лились в ее подчинении и именовались «пригородами». Для управления областью великий князь назначал своих наместников или посадников. Некоторые из бояр и воинов оседали в местах службы, обзаводились хозяйствами, семьями. Они смешивались с племенной верхушкой, и складывалась городская знать. Например, мерянские старейшины и вожди с добавкой русичей образовали ростовское боярство, верхушка племени северян – черниговское, словен и нарвы – новгородское.

Города и пригороды были центрами ремесла, торговли. Для решения важнейших вопросов созывалось вече. Но представлять его общим сборищем всех горожан совершенно неверно. Археологи обнаружили вечевую площадь в Новгороде, на ней никак не могло вместиться более 400–500 человек [72]. Это были те же местные бояре, верхушка. Простые горожане участвовали в собраниях более низкого ранга, по концам, улицам, выбирали местное управление: старост, сотских. А бояре из своей среды избирали тысяцкого. Он ведал городским хозяйством, финансами. На войну город выставлял полк под командой тысяцкого. Городских воинов, в основном пеших, называли ратниками.

Административными центрами в сельской местности являлись погосты, введенные св. Ольгой. Туда назначались чиновники-тиуны с несколькими воинами или слугами. Они разбирали мелкие судебные дела и тяжбы, расследовали преступления, представляя виновных на суд наместника

или князя. Население прилежащих деревень сдавало тиунам установленные подати. Здесь устраивались и ярмарки, приезжали купцы скупать у земледельцев излишки продукции. Хотя такая система действовала не везде. Тиверцами и уличами по-прежнему управляли их племенные князья. Значительную автономию сохранили вятичи. К ним княжеская администрация не назначалась, племя само собирало и платило государю дань. Не было погостов и в Залесской земле. Тут наместник по старинке ездил в полюдья – лично объезжал села, творил суд, решал накопившиеся проблемы и получал от населения подати.

Большинство простолюдинов-смердов – земледельцев, рыбаков, охотников, бортников, были свободными. Подати, которые они сдавали, распределялись на содержание местного управления и в государственную казну. Были и личные княжеские владения или выделенные за службу боярам, дружинникам. Доходы от этих владений целиком шли хозяину. На Руси, как и во всем мире той эпохи, существовало рабство. Полными или «обельными» холопами становились пленные, несостоятельные должники, осужденные преступники, потомки невольников. Становились и люди, добровольно передававшиеся или продававшиеся в холопы, вступавшие в брак с рабами. Но холопами считались и люди, занимавшие важное место в обществе: княжеские и боярские ключники (управляющие хозяйством), боярские тиуны – старосты и чиновники. Закупы переходили в кабалу на вре-

мя, обрабатывали полученную сумму. Рядовичи нанимались в услужение на тех или иных условиях, определенных договором.

Денежное обращение на Руси было ограниченным, драгоценных металлов не хватало, и подати собирались натурой. Поэтому жизненно важной была задача открыть выход к Черному морю. Здесь совпадали интересы великого князя, бояр, городов, купцов – продать зерно, меха, кожи, воск, обратить их в звонкую монету или необходимые товары. А главным рынком сбыта являлась Византия. За выход к морю и право торговать в империи боролись еще Вещий Олег, Игорь, Святослав. Но греки относились к подобным устремлениям крайне болезненно. Натравливали печенегов, перекрывавших пути по Днепру и Южному Бугу, заключали союзы с хазарами. Русичи выступали главными конкурентами византийцев. Если же удавалось отрезать их от моря, херсонесские купцы скупали те же товары в самом Киеве. Девять-то некуда, все равно испортятся, приходилось отдавать за гроши. Да и печенеги, разграбив русские караваны, по-дешевке сбывали добычу в Херсонес. Кроме того, дорога к морю выводила Русь на большую политическую арену. Греческие берега открывались для ударов княжеских флотилий, значит, с Киевом требовалось считаться, строить политику с оглядкой на его интересы.

Эту задачу Владимир Святославович тоже решил. В 985–986 гг. он совершил поход на Тамань, раздавил оживший бы-

ло осколок Хазарии [16]. Город Таматарха стал русской Тмутараканью, Самкерц (Керчь) – Корчевом. Византия в данное время как раз вела войны с Германией и правителем Западной Болгарии Самуилом. Владимир заключил с ними союзы, оказал Самуилу военную помощь, совместными усилиями греков наголову разгромили при Сардике (Средце) [100]. Но великий князь, в отличие от своего отца, не намеревался расширять свою державу на Балканы. Он уже получил все, что требовалось Руси. Оставалось лишь закрепить успехи и добиться, чтобы Византия признала их, перешла на другой уровень отношений. Чтобы высокомерные греки, традиционно презиравшие русских «варваров», приучились смотреть на них как на великую и уважаемую державу.

К этому времени относится и «выбор веры». Точнее, легенда о выборе веры. Летописный рассказ, как мусульманские, иудейские, латинские и греческие проповедники, склоняли князя к своим религиям и доказывали, чем они лучше других – «бродячий сюжет», он встречается в преданиях многих народов. На самом деле, никакого «*выбора веры*» не было и не могло быть. Вера – не товар. Ее не выбирают, как на базаре, торгуясь и прицениваясь, какая лучше и выгоднее. Она всегда одна. Ее принимают не расчетами, а душой. Владимира водила в православный храм еще его бабушка, св. Ольга. В его правление христианство на Руси распространялось все шире, церкви появились не только в Киеве, но и в Новгороде. Автор, ближайший по времени к Владимиру,

митрополит Иларион, писал о великом князе: «Не видел ты апостола, пришедшего в землю твою», не видел чудес, совершаемых именем Иисуса Христа, «Без всех сих притече ко Христу, токмо от благого смысла и разумения». Без миссионеров, уговоров, своей волей. «Сошло на него посещение Вышнего» [85].

Но Владимир решил соединить духовный шаг с политическим. Для этого сложилась исключительно благоприятная ситуация. В Византии против царей-соправителей Василия II и Константина восстал популярный военачальник Варда Склир, объявил себя императором. Против него выпустили из ссылки другого знаменитого полководца, Варду Фоку. Брата императора Никифора Фоки, убитого 17 лет назад. Он одолел Склира, тот бежал к арабам. Но и Фока, в свою очередь, взбунтовался, провозгласил себя царем, двинулся на Константинополь, его войско вышло к Босфору.

Тут-то и предложил киевский князь свою помощь Василию и Константину. А за это просил ни больше ни меньше как руку их сестры Анны. По византийским канонам это было неслыханно. В свое время Анну сватал за сына германский император Оттон I, получил грубый отказ. Ему ответили, что «рожденная в пурпуре не может быть женой варвара». В период войны со Святославом Анну пообещали болгарскому царю Борису II, но надули, привели «женуха» в Константинополь в оковах. Ее сватал для сына король Франции Гуго Капет, сватал после победы при Сардике

болгарский царь Самуил [30]... Дело было, разумеется, не в Анне. Достоинствами и красотой она ничуть не блистала. Ей было уже 25, по средневековым понятиям немало. Жила она дворцовой затворницей. Вдобавок, была по характеру истинной «ромейкой», т. е. римлянкой, как величали себя византийцы. Считала себя неизмеримо выше болгар, русичей и прочих «грубых скифов». Дело было в престиже государства. Монарх, получивший такую невесту, ставил себя на равную ногу с империей!

Но в данном случае положение у царей было безвыходным, им пришлось согласиться. В Киев помчалось посольство. Св. Владимир принял крещение сразу же. Греки для видимости обставили брак рядом условий – чтобы он крестился не только сам, но и привел к Вере свой народ. А чтобы его будущих родственничков не свергли раньше времени, князь немедленно выслал корпус из 6 тыс. воинов, он нанес внезапный удар и отогнал Варду Фоку от Босфора. Но как только непосредственная опасность исчезла, византийцы попытались спустить на тормозах обещание о женитьбе. Имеет ли смысл держать слово, данное «скифу»? Великий князь отправился к днепровским порогам торжественно встретить невесту – а ее вдруг не прислали...

Владимир Святославович не преминул напомнить. Поднял могучее войско, выступил на Крым и обложил Херсонес. В городе далеко не всем улыбалось выдерживать трудности осады. Не лучше ли заранее подолститься к победителю?

Священник Анастас пустил стрелу с запиской, указав, где проходят водопроводы. Их перекрыли, и Херсонес капитулировал. А великий князь пригрозил византийским властителям: «Сделаю столице вашей то же, что и этому городу». Василий II и Константин пребывали в трансе: Владимир мог снова соединиться с болгарами, поддержать того же Варду Фоку, его мятеж еще не был подавлен. Пришлось исполнять договор. Анна безутешно рыдала, причитала, что ее «заживо хоронят». Но ее усадили на корабль и утешили, что она жертвует собою ради империи: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны».

В Херсонесе митрополит обвенчал Владимиру и Анну, русская дружина приняла крещение. В «вено» за невесту князь вернул грекам захваченный город. А для себя, на память, забрал понравившиеся статуи коней – украсить собственную столицу. Взял и иконы, церковную утварь, книги, обеспечил рождающуюся Русскую церковь.

По возвращении из Крыма он разрушил столичное капище, а на 1 августа 988 г. (по другим источникам 989 г.) назначил крещение Киева. Авторитет Владимира, поднявшего Русь из развала, побеждавшего всех врагов, был чрезвычайно высоким. У Днепра собрались жители столицы от мала до велика, гости, приезжие. Толпами входили в воду. Вдоль реки цепочкой стояли священники, совершали таинство крещения. В купель входили поляне, северяне, кривичи и... пе-

реставали ими быть. Ведь по языческим понятиям, полянином являлся лишь тот, кто отправлял родовые культы полян, северянином – исполнявший родовые обряды северян. А люди, вышедшие из купели, порывали со старыми культурами. Отныне они принадлежали к другой общности. Все – к одной, ее должно было связать одно, православное мировоззрение, одна система ценностей. Эту общность назвали русскими. В купели крещения из многочисленных племен родился новый народ.

3. Св. Владимир и соседи Руси

Западная Европа к концу X в. обвалилась в феодальный хаос. Королевства поделились на герцогства, графства. Их властители иногда объединялись, а чаще ссорились между собой, не желали считаться с собственными королями [13]. Даже католическая церковь перестала служить объединяющим началом. Короли в разных странах сами назначали архиепископов и епископов, давали им в лен землю, и почтенные иерархи превращались во вполне светских князей. Зависели не от Рима, а от монархов, служили им, воевали. Аббатства превратились в подобие баронств, выставляли воинов в войска епископов, и монастыри забыли о строгих уставах, жили почти мирской жизнью. Священники рассматривали свои посты в первую очередь с точки зрения дохода. Католическое духовенство в ту пору еще не придерживалось безбрачия. Выгодные посты оно, разумеется, хотело передать сыновьям, а ради этого требовалось сохранять верность властям.

Первой по рангу среди западных держав считалась «Римская империя германской нации». Германские короли Оттон I и Оттон II как раз и опирались на архиепископов и епископов в противовес светским герцогам. Взяли под покровительство римских пап, а за это первосвященники короновали их императорами. Но итальянцы, и папы в том числе, бы-

ли от власти немцев совсем не в восторге. Местные города и князья поднимали восстания, истребляли и изгоняли германцев и их сторонников. Императоры, чтобы восстановить свое влияние, вынуждены были снова и снова организовывать походы в Италию. Начали ставить там немецких чиновников, епископов и пап. Но едва войско уходило, германское владычество опять сбрасывали [36].

Для защиты от немцев итальянские государства и римские папы искали защиты у Византии. Католическая и православная церкви уже значительно отличались друг от друга, но формальное единство еще сохранялось. Пап поминали на богослужениях греческие, Антиохийские, Александрийские, Иерусалимские патриархи. Римские первосвященники, спасающиеся от преследований немцев, получали убежище у греков, византийские императоры признавали их первенство в структуре Церкви [100]. За это и папы признавали Византийскую империю «настоящей» Римской, а германских императоров величали не римскими, а «тевтонскими».

Грекам принадлежал юг Италии, периодически их вассалами признавали себя другие итальянские князья. Оттон II, разгромив византийцев, договорился с ними поделить сферы влияния, сумел сосватать родственницу императора – не дочь или сестру законных царей Македонской династии, а всего лишь племянницу узурпатора Иоанна Цимисхия Феофано, но даже это считалось высочайшей честью. Зато их сына Оттона III мать-гречанка вырастила религиозным фа-

натиком, и к тому же, он жил только фантазиями возрождения Древней Римской империи. Очередной раз захватив Рим, постоянно поселился в нем, отгрохал дворец, установил пышный византийский церемониал. Папу низвел до роли своего помощника, председательствовал на церковных соборах. У византийских царей Василия и Константина не было сыновей, но у Константина имелось три дочери. Оттон III всячески силился сосватать одну из них – вот и воссоединится Римская империя. Куда там! Для греков даже он, наполовину грек, оставался «варваром», получил категорический отказ.

На восточной границе Германская империя вела наступление на прибалтийских и полабских славян. В данном отношении союзниками выступали и императоры, и герцоги, и епископы, старающиеся расширить свои владения. Были подчинены племена лужичан, лютичей, ободритов. Но прибалтийские русы, поморяне и пруссы давали крепкий отпор. А покоренные племена были упорными язычниками. Христианство категорически отвергали, а в 983 г. восстали. Перебили немецкие гарнизоны, взяли и разрушили города Бранибор (Бранденбург), Мисень (Мейсен), Гану, Гамбург и др. Дальнейшие войны против них были безрезультатными.

В этот период выделилось несколько сильных государств по границам Германской империи. Одним из них была Дания. Она приняла христианство на два десятилетия раньше Руси. Датчане располагали сильным флотом, совершали по-

ходы на Англию, эта страна попала в зависимость от датских королей. На континенте они успешно били немцев, захватили у них земли, примыкающие к Ютландскому полуострову. В союз с Данией вступило и княжество ободритов. В середине X в. объединились славянские племена мазовшан, вислян и ляхов, и возникла Польша. Она признала себя вассалом германских императоров, приняла немецких миссионеров, польские князья и знать крестились примерно в одно время с Русью. Сильным герцогством считалась Чехия, она тоже являлась вассалом Германии, уже более ста лет была христианской страной. Могущественной была и Венгрия, пока еще языческая.

Когда Оттон III поселился в Риме, он совсем запустил управление Германией, вассалы отбились от рук. Но император по-прежнему вынашивал грандиозные проекты: расширять империю на север, на восток, покорить и крестить прибалтийских славян. Не удалось сойтись с Византией и герцоги не слушаются? Не беда, он найдет другие силы. Оттон совершил большое путешествие в Польшу. Королю Болеславу Храброму присвоил титулы «патриция», «друга и союзника римского народа», учредил для Польши отдельное архиепископство из четырех епархий (у католиков архиепископство соответствовало митрополии). К крещению склонился и венгерский князь Вайк, получив имя Иштван (Стефан). Император и его произвел в «друзья и союзники», пожаловал королевской короной, самостоятельным архиепископ-

ством. Но выиграли от этого только поляки и венгры. Они получили собственные церковные структуры, могли больше не оглядываться на Германию, а номинальную зависимость от нее быстро отбросили. Пока Оттон путешествовал, он выпустил из-под контроля и Италию. Она взбунтовалась, и император умирал ее, пока не умер. Его держава окончательно развалилась.

Норвегия и Швеция еще пребывали в язычестве, резали людей в жертву Одину, эскадры викингов по-прежнему безобразничали на морях. Хотя активность пиратских набегов поубавилась. Теперь норманны стремились к более прочным приобретениям или устраивались наемниками к властителям, способным хорошо заплатить. Во Франции они подмяли и превратили в свое герцогство Нормандию. Сделать это было не столь уж трудно. Единой Франции по сути не существовало. Многие здешние феодалы были богаче и могущественнее короля, месились в постоянных сварах. В Испании христианские княжества удержались только в горных районах, плодородные равнины занимал арабский халифат, а нищие испанские княжества жили за счет войн и грабежей мусульман. Арабы удерживали позиции и на Средиземном море, угнездились на Сицилии. Византия заключила с ними союз и использовала в Италии против немцев. Мусульмане воевать умели, громили германских рыцарей, а заодно разоряли и итальянские княжества.

Византия оставалась неоспоримым лидером христианско-

го мира. Она была уже серьезно больна, ее разъедала и подтачивала внутренняя гниль. Но, преодолев период раздоров, она снова выглядела неодолимой. Василий II и Константин считались равноправными царями, хотя реально правил Василий, мрачный и жестокий воин, а брату он не мешал кутить и развратничать. Дочери Константина так и торчали незамужними, за кого же можно выдать столь высоких особ? Старшая, Евдокия, постриглась в монахини, Зоя и Феодора, искали отдушины в тайных похождениях. Когда они раскрывались, скандалы заминали, любовников ссылали, и сохранялась тишь да благодать.

В 989 г. Василию удалось покончить с восстанием Варды Фоки – во время решающей битвы при Абидосе предводителю подали холодной водички с ядом. Второй мятежник, Варда Скляр, укrywшийся в Багдадском халифате, пал духом, обратился в Константинополь, каялся. Император согласился простить его, Скляр вернулся на родину, состоялась его встреча с Василием II, а через несколько дней он... умер.

Но за те годы, пока византийское правительство было занято подавлением непокорных полководцев, продолжил наступление царь Западной Болгарии Самуил. Захватил значительные территории в Греции, вывез почитаемые святыни в свою столицу Охрид (ныне в Македонии). Мало того, брат прежнего, низложенного царя Болгарии Бориса II, искалеченный греками евнух Роман бежал из Константинополя. Уж теперь-то склонить к византийцам его было невозможно.

Он примкнул к Самуилу. В дополнение к Западной Болгарии восстала Восточная, завоеванная два десятилетия назад. Перебила и выгнала императорскую администрацию, воссоединилась с Западной. В 991 г. Василий II направил свою армию против болгар.

А в их рядах не было единства. В состав болгарского царства входили и сербы, македонцы, далматинцы, валахи, часть хорватов, греков, они не ладили между собой. Крестьяне-повстанцы выходили из повиновения не только ромейской, но и своей знати, а знать косилась в сторону византийцев, предавала. Добавила раздрай богумильская ересь. Это было манихейское сектантское учение, доработанное болгарским попом Богумилом. Объявлялось, что Бог создал только «высший» мир, а земной – сатана, который и властвует в нем. Христос якобы приходил к людям в «эфирном теле», это была лишь видимость. Отрицались Св. Таинства, монашество, поклонение кресту и иконам. Утверждалось, что церкви населены демонами, и каждый человек – вместилище демона. А «чисты», разумеется, богумилы. Ради «чистоты» они отвергали брак, семью, вместо этого внутри общин устраивали свальные оргии.

Ересь строго преследовали и в Византии, и в Болгарии, проповедники бежали в другие страны. Но когда разлилось восстание, она обрела благодатную почву – ведь Византия выступала оплотом христианства, а богумильство противостояло ему. Сектанты обрабатывали крестьян, городскую

бедноту, вели их грабить храмы. Естественно, это вызывало конфликты с православной частью болгар. Да и само повстанческое войско далеко уступало профессиональному. В битвах греки одерживали победы. Царевича Романа захватили в плен и уморили в темнице. Но против византийцев выступал весь народ, и удержаться в Болгарии они не смогли, четырехлетняя война кончилась ничем.

Куда более успешно для Константинополя развернулись события на востоке. В Сирии местные эмиры враждовали между собой, бунтовали против египетского халифа, и некоторые из них, чтобы получить помощь, принимали зависимость от Византии. Ее вассалами и союзниками являлись и Грузия с Арменией. Но греки были верны своим традициям, повели с ними точно такую же политику, как когда-то с Болгарией – принялись исподтишка ослаблять и расшатывать собственных друзей, навязывали все более тесное покровительство. Грузинскому царю Давиду Василий II в знак дружбы присвоил византийский придворный чин куропалата, осыпал драгоценными подарками. Но за это грузинское духовенство и сановники должны были ездить в Константинополь, и им тоже давали греческие титулы.

А потом Давид вдруг скончался при совершенно жутких обстоятельствах – на Пасху архиепископ дал ему яд в причастии. Тут же явился Василий II с войском. К нему прибыли цари и князья Грузии, Абхазии, Армении: детей у Давида не было, но он усыновил некоторых соседних власти-

телей, другие были его родственниками, вот и хотели выяснить, кому император отдаст опустевший престол. Однако Василий вдруг объявил: поскольку Давид был византийским придворным, то и царство отходит к Византии. Ошалевших властителей «утешил» тем, что и им даровал чины, кому куропалата, кому магистра. Назначил в Грузию своих наместников, расставил гарнизоны. На тех, кто попытался сопротивляться, бросил корпус русских наемников и раздавил. Множество знатных грузин и армян император попросту захватил и увел заложниками в Константинополь...

Св. Владимир при крещении тоже получил греческий придворный чин. Даже не куропалата и магистра, а второстепенный чин стольника. Это следовало из основной доктрины Константинополя: император – глава христианского мира, все православные являются его подданными. Именно такая установка определяла особенности византийской политики. Интересы империи отождествлялись с интересами христианства в целом и Самого Господа. Отсюда вытекало следствие, очень близкое к идее, к которой придут через несколько столетий иезуиты: цель оправдывает средства. Ради блага империи средства допускались любые.

4. Св. Владимир и его сыновья

Договариваясь о крещении и женитьбе, св. Владимир позаботился и об организации Русской церкви. Никоновская и Иоакимовская летописи сообщают, что князь просил царей Василия и Константина прислать в Киев митрополитом Михаила Сирина, весьма ученого иерея Константинопольской патриархии, но родом болгарина. Это было понятно. Славянские языки в ту эпоху почти не отличались. Новый митрополит и его паства понимали бы друг друга, он мог служить на славянском языке по книгам, переведенным св. Кириллом и Мефодием (этим переводом Православная Церковь пользуется до сих пор). А если уж император был вынужден отдать замуж сестру, ему пришлось уважить и требование насчет митрополита. Князь запросил также «иереи и диаконы и демественники из славян».

Хотя в свите царевны Анны к Владимиру прибыл и большой штат «царевниных» священников. Уж конечно, это был особый, специально подобранный и подготовленный «де-сант», чтобы «обращать землю Русскую к покаянию». Не перед Богом, а перед греками. Взять князя под контроль, подчинить влиянию Константинополя. Но Владимир Святославович постарался избежать подобных последствий. Он забрал с собой священников и диаконов из Херсонеса. Кроме того, он не порвал связей с Болгарией. Там существовала

независимая Охридская патриархия, и по просьбе Владимира от царя Симеона прибыли «иереи учены и книги». Что тоже понятно. Откуда же еще великий князь мог получить в нужных количествах богослужебную литературу? Болгарская патриархия оставалась единственной, где официально было установлено славянское богослужение, Охрид уже сотню лет являлся центром миссионерской деятельности среди славян [100]. Славянские священники имелись и в Византии – из местных жителей, из оккупированной Восточной Болгарии, но Константинополь размножал книги на греческом и насаждал среди подданных греческое богослужение.

Нет, св. Владимир не хотел враждовать с Византией. Он сохранял верность союзническим обязательствам, в составе греческой армии действовал 6-тысячный русский корпус, сражался в Сирии, в Закавказье. Но великий князь не желал, чтобы его втягивали в зависимость от империи, и церковь пытался создавать свою, русскую, а для этого использовал возможность маневрировать между Константинопольской и Охридской патриархиями. Впрочем, и русский корпус на службе империи уже не был теми княжескими воинами, которых Владимир прислал спасать Василия и Константина. Наряду с «русским», его называли «вэрингами» или «варангами», то бишь варягами. Это были наемники, вербовавшиеся как из русичей, так и из балтийских славян, скандинавов. Удальцы, желавшие подзаработать своим мечом. Если такие останутся насовсем на чужбине или погибнут за морем – что

ж, это их личное дело.

Крещение потребовало от св. Владимира скорректировать не только политику, но и пересмотреть свои семейные дела. В связи с этим летописец привел легенду, которую в XIX в. подхватили либеральные историки, писатели, композиторы. О том, как князь, насильно взявший полоцкую Рогнеду, охладел к ней, увлекшись другими женщинами. Оскорбленная супруга хотела убить его ножом, но князь перехватил ее руку и вознамерился казнить ее. Повелел одеть свадебное платье и ждать смерти. Однако Рогнеда подговорила ребенка Изяслава, он объявил вошедшему отцу: «Ты не один здесь». Тот устыдился сына, отменил приговор и, по совету бояр, вернул Рогнеде и ее отпрыску отцовский удел, Полоцк.

Все это не более чем байка. К сожалению, Нестор насобирав в свою летопись немало сплетен и фольклорных фантазий, не выдерживающих не то что критики, а даже совсем абсурдных. Например, о том, что у князя было 300 наложниц в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 в Берестове. Хотя достаточно вспомнить, что в году всего 365 дней. На 800 дам князю потребовалось бы более 2 лет! А 8 лет своего языческого правления он провел в непрерывных походах, отправляясь с одной войны на другую, в Киеве бывал лишь короткими наездами. Аналогичную несуразицу легко увидеть и в ситуации с Рогнедой. Владимир состоял с ней в браке 8 лет, и она родила 5 детей. Изяслава, Мстислава, Ярослава, Все-

волода, Предславу. Какое уж тут охлаждение! В язычестве она оставалась законной и любимой супругой Владимира. А при удалении жены с ней почему-то уехал лишь старший ребенок, младшие сыновья отправились в другие города, дочь осталась в Киеве...

Кроме Рогнеды, у Владимира было еще несколько жен. Второй по счету стала беременная гречанка, супруга казненного брата Ярополка, на Руси ее звали Преславой. Это диктовалось не извращением, не похотью. По славянским обычаям, вдова переходила к брату покойного. Конечно, бывшая монахиня была не пленницей, а может и не монахиней – Святослав Игоревич и Свенельд, правивший при Ярополке, не приводили пленных византийцев, при заключении мира их вернули императору. Скорее, она была греческой шпионкой, подsunутой направлять политику Ярополка. Она была значительно старше юного мужа, могла воспитывать и наставлять его. Разница ее возраста с Владимиром была еще больше, лет 12–15. Но за преступления супруга она не отвечала, и Владимир поступил, как требовало русское право. С гречанкой он не жил как с женой, но принял в семью, содержал наравне с другими женами и признал своим ее сына Святополка. Хотя на Руси таких детей называли «сыновьями двух отцов».

Авторитет князя, побеждавшего всех врагов, был огромным. Многие монархи хотели заключить с ним союз. Даже христианские властители стремились породниться с язычни-

ком, готовы были отдать ему своих родственниц. Среди жен Владимира летописи называют внучку германского императора чешку Мальфриду, родившую сына Вышеслава, еще одну чешку Адель, родившую Святослава и Мстислава, мелькают и норвежка Олова, болгарка Милолика [89]. Не уточняется, от каких матерей родились Судислав и Позвизд. Ревновать у язычников было не принято. Напротив, славянки гордились количеством жен у своих мужей. Та же Рогнеда намеревалась стать второй женой Ярополка в дополнение к гречанке.

Но когда князь обратился к Христу и предъявил претензии на руку византийской царевны, многоженство оказалось уже недопустимым. Дети и те его супруги, кто еще пребывал в язычестве, приняли крещение одновременно с Владимиром. Но этих жен и впрямь требовалось куда-то убрать. Помог другой обычай, издавна существовавший на Руси, давать детям в уделы те или иные города. Сыновья еще детьми ехали туда с пестунами-боярами, с младых лет постепенно постигали искусство управления, ведения хозяйства. Для них формировали дружины из сверстников, боярских сыновей, они росли вместе с князьями, становились их помощниками. Так когда-то росли Святослав, сам Владимир с братьями.

Теперь великий князь сделал то же самое. Старшего сына, Изяслава, назначил в Полоцк. С ним отправил и любимую Рогнеду. Государь счел, что в родном городе ей будет легче перенести перемену своего положения. Вышеслав

был определен в Новгород, с ним уехала Мальфрида. Святополк с матерью-гречанкой получил Туров, землю дреговичей, Святослав с чешкой – землю древлян. Мстислав был назначен в Тмутаракань, Ярослав в Ростов, Всеволод во Владимир-Волынский, Судислав в Псков. Но какого-либо разделения страны это не предполагало. Владимир назначал сыновей не в центральные города, а по границам. Они оставались в полном подчинении отца, выступали его наместниками на далеких окраинах, должны были вырасти настоящими правителями и воинами.

На Руси было учреждено четыре епархии. Но процесс ее обращения к новой вере стал далеко не быстрым и не гладким. Крещение Киева воодушевило князя, сразу же после этого был намечен Новгород. Уж этот-то город был для Владимира почти родным, его главной опорой. Его дядя Добрыня вообще «прирос» к Новгороду, женился на местной боярышне. Тут и христианство уже начало утверждаться, действовал храм Преображения Господня. Сюда и отправился с легким сердцем Добрыня Никитич с недавно окрещенными дружинниками и епископом, Иоакимом Корсунянином. Этот уроженец Херсонеса был достойным пастырем, искренне отдал себя великой задаче, привести к вере Христовой северные края. Он знал русский язык, впоследствии записывал исторические предания новгородцев и стал автором летописи.

Но это было позже, а поначалу Новгород встал на дыбы

против христианства. Причем организовали сопротивление не язычники, а «волхв» Богомил, проповедник богумильской ереси. Объединиться с язычниками оказывалось для еретиков ничуть не зазорно, главное – не допустить утверждения Православия. Богомил взбунтовал народ, его поддержала и часть бояр, постановила новой веры не принимать. Восточную, Торговую сторону, где жители составились из словен, тысяцкий Путята удержал в повиновении. Встретил Добрыню, Иоаким ходил по улицам и учил людей, за два дня окрестил несколько сот. А западную часть города населяли финны-нарова, они были настроены совершенно иначе. Выбрали себе другого тысяцкого, Угоняя. Вооружились, разобрали мост через Волхов, выставили заряженные камнеметы.

Богомил и Угоняй подзуживали мятежников, толпа кинулась к дому Добрыни, зверски растерзала его жену, слуг и родных, разнесла храм Преображения. Только после того, как дошло до бесчинств, Добрыня применил силу. Ночью через Волхов переправился Путята с отрядом из 500 человек, захватил Угоняя с несколькими зачинщиками. Остальные бунтовщики навалились на десант, прижали к реке. Но утром к нему подоспел Добрыня с дружиной, велел поджечь ближайшие дома. Часть язычников разбежалась тушить пожар, других сломили, и они запросили мира. Условие было – снести капище и уничтожить идолов. После этого началось крещение новгородцев в Волхове. Оно шло непрерывно в

двух местах, мужчины приходили и крестились выше моста, женщины ниже [30].

Ну а в Залесскую землю поехал первый ее князь Ярослав, будущий Мудрый. Но в то время вряд ли кто-нибудь стал бы называть его «мудрым», он был еще мальчиком, хромым от рождения. Он поехал с греком, епископом Федором. Однако здесь результат стал вообще нулевым. Город Ростов епископа выгнал. Князя-христианина тоже принимать не желал. Ярославу пришлось остановиться в селении с красноречивым названием Медвежий угол. Местные жители воспротивились, чтобы князь жил у них, но мальчик и его опекуны не устрашились, проявили упорство. Отец дал Ярославу хороших дружинников, и в стычках они взяли верх. На месте Медвежьего угла возникла крепость Ярославль.

Постепенно отряд Ярослава осваивался в северных краях, приучал людей уважать власть князя. Через некоторое время из Киева прислали другого епископа, грека Илариона. Ростовцев заставили принять его. Но крестились только суздальцы. На суздальском ополье селились пришлые славяне, не связанные с финскими племенными культами, и их оказалось легче обратить в истинную Веру. Меряне же отвергали ее напрочь. Подчиняться они не отказывались, платили подати. Но как только дело касалось их религии – стояли твердо, крещение отвергали и храмов строить не позволяли. А вокруг епископа в Ростове нагнеталась такая атмосфера, что он предпочел сбежать. В итоге в Залесской земле вместо

одного главного города стало два, языческий Ростов и христианский Суздаль, куда и переместилась княжеская администрация.

Эти конфликты породили шутку в адрес новгородцев – знаем, мол, какие вы христиане, Добрыня крестил вас огнем, а Путята мечом. Атеисты и либералы выдернули фразу из контекста летописи, преподносили ее так, будто речь шла о германских крестоносцах. Хотя на самом-то деле после первых конфликтов св. Владимир принял принципиальное решение, определившее русскую церковную политику на много веков вперед: насильственного крещения не насаждать. Действовать не страхом, не расправами, а именно по-христиански, убеждением и силой Слова Божьего. Карательных экспедиций в Ростов не посылали. А крещение следующего большого города, Чернигова, произошло лишь через 3 года после Новгорода, в 992 г. Сперва подготовили, а уж потом провели. Крещение соседнего с Черниговом Смоленска состоялось аж через 21 год...

Впрочем, распространение христианства задерживалось не только противодействием язычников, а и другими причинами. Где было набрать священников для всей Руси? А что толку окунать людей, если не объяснить им суть христианского учения? Греческие священники были не способны донести его до русичей. Примутся лопотать и петь на непонятном языке – не обратят, а отпугнут. Оставалось рассчитывать на болгар и готовить собственные кадры. Для этого Влади-

мир открыл в Киеве первые в нашей стране училища, определял туда детей и подростков.

Надо сказать, грамотных на Руси, в отличие от Западной Европы, было очень много. Удобная в обиходе кириллица получила широкое распространение даже раньше принятия христианства. В Новгороде торфяная почва хорошо сохраняла древесину, и до нас дошло большое количество берестяных грамот. Образцы их найдены и в Старой Руссе, Смоленске, Пскове, Витебске, Мстиславе. Они показывают, что писать умели и мужчины, и женщины, и слуги, даже сапожники подписывали свои колодки [19, 72]. Но училища, кроме грамоты, давали православное воспитание, готовили будущих чиновников, а в первую очередь – необходимых, как воздух, священнослужителей.

Сам Владимир воспринял христианскую веру глубоко и искренне, всей душой. В Киеве он начал строить величественный собор Успения Пресвятой Богородицы. Выписал архитекторов и художников из Византии, отдал этому храму драгоценную утварь, вывезенную из Херсонеса, отделил десятую часть доходов от своих сел – отсюда пошло другое название собора, Десятинная церковь. Великий князь стремился строго выполнять евангельские заповеди. Устраивал массовые раздачи милостыни для бедных, одаривал их деньгами, продуктами. Мало того, приказал, чтобы хлеб, овощи, мясо, мед, квас, возили по улицам для престарелых и больных, которые не могут сами прийти во дворец. При храмах

организовывались богадельни, больницы, странноприимные дома.

Пытаясь буквально следовать Евангелию, государь даже отменил смертную казнь. Прощал преступников или смягчал кары, довольствуясь штрафами. Правда, ни к чему хорошему это не привело. Разбойники почувствовали безнаказанность, стали наглеть. Множились грабежи, убийства. И получилось так, что священники и епископы не заступались за осужденных, а наоборот, наставляли князя быть строже. Доказывали, что для правителя добродетелью является отнюдь не всепрощенчество, а соблюдение справедливости. Грех не в том, чтобы наказать преступника, а в попустительстве преступлениям, ведь от этого страдают другие люди. «Ты поставлен Богом на казнь злым, а добрым на милование» [31].

Владимир внес поправки в законы в соответствии с греческим Номоканоном. Священники и все церковные учреждения выводились из юрисдикции светских властей и подчинялись лишь своему начальству. Епископам предоставлялись большие полномочия, в их ведение передавались разборы семейных споров, дела о супружеской неверности, незаконных браках, идолопоклонстве, волшебстве, непристойной брани и др. Великий князь пробовал организовать и миссионерскую деятельность, донести свет христианства до печенегов, в 990 г. послал философа Марка Македонянина к волжским болгарам [30]. Но печенеги оказались к вере

в Христа почти не восприимчивы, крестился лишь один из ханов. А в Волжской Болгарии прочно утвердился ислам, и сменить веру склонились только несколько мелких князьков.

5. Св. Владимир и его богатыри

Для преобразований и просвещения Руси мирного времени в общем-то и не было. Наша страна принимала христианство от Византии, готова была дружить с ней, но мог ли император простить Владимиру, что он навязал собственные условия? Мог ли смириться с претензиями «варваров» держаться на равных с Константинополем? Могучая Русь была для греков как бельмо на глазу. Почти сразу же после похода на Херсонес и крещения Киева, с 990 г., начались набегы печенегов, давних византийских союзников. С предшественником Владимира, Ярополком, развалившим державу и сдавшим завоевания Святослава, печенеги поддерживали очень теплый альянс, а теперь внезапно, без всякой видимой причины, будто с цепи сорвались.

Силы Руси были неизмеримо больше, чем у кочевников. Печенеги не были едиными, разделялись на восемь кланов с собственными ханами, не всегда ладившими между собой. Хазарским каганам, а потом и Святославу удавалось привлекать часть из них на свою сторону. Но сейчас сказывалась невидимая организующая рука, против русичей нацелились все кланы. А опасность их заключалась не столько в численности, сколько во внезапности – попробуй угадай, где и когда ворвутся орды конницы? Под удары попадали южные, самые плодородные районы. Степняки рассыпались облавами. По-

лыхали костры деревень, свистели стрелы и сабли, и падали землепашцы, едва успевшие схватить рогатину или топор.

Князья и бояре поднимали дружины, выступали полки городов, но печенеги уже поворачивали обратно. Исчезали в мареве степей колонны возов с награбленным добром, стада угнанного скота, довольные всадники понукали пленных, связанных длинными вереницами – понурых мужиков, отборных баб и девок, подростков. В выигрыше оказывалась... Византия. Печенеги стали в Херсонесе одними из главных поставщиков воска! Хотя никогда в жизни не собирали его, бортничеством в лесах занимались славяне. А работоторговля превратилась в основной промысел херсонесских евреев. Перехватить хищников было трудно, и борьба шла с переменным успехом.

Первыми набегами орда кочевников разорила окрестности Киева, но увлеклась грабежами. Государь собрал воинов и вывел наперерез, встретил врага на обратном пути под Переяславлем. В сражении печенегов разнесли наголову. Но пока одни кланы зализывали раны, лезли другие. Св. Владимир с небольшой дружиной отправился в собственную загородную резиденцию Василев, праздновал Преображение Господне, и неожиданно доложили о появлении печенегов. Князь счел, что это отдельная банда, храбро вылетел с наличными воинами, а на него выкатилось огромное полчище. Дружину смели, сам Владимир спасся лишь чудом, спрятался под мостом и молился. Потом в благодарность за избав-

ление построил храм Преображения, оделил нищих чрезвычайно щедрой милостыней.

Чтобы справиться с этой напастью, Владимир принялся создавать на южных рубежах мощную систему обороны. На правом берегу Днепра, прикрывая подступы к Киеву, строилась линия крепостей по р. Стугне. Превратились в крепости княжеские села Белгород и Василев, возводились Триполь, Тумаш, Витичев. На днепровском Левобережье устраивались несколько линий. Передовая по р. Суле с городом Воишь, за ней – линия по р. Трубеж, опирающаяся на Переяславль, за ней – крепости по Остру и Десне, прикрывающие Чернигов. Намечая рубежи обороны, Владимир и его воеводы использовали древние системы Змиевых валов, в незапамятные времена насыпанных славянами против сарматов, гуннов. В некоторых местах сооружали новые валы, соединявшие крепости между собой. Они тормознут конницу, помогут выиграть время для организации отпора.

А заселять опасное приграничье зазывали добровольцев из северных земель – словен, кривичей, чудь, вятичей. Это и были богатыри Владимира Красно Солнышко, воспетые в былинах. Соглашался-то, конечно, не каждый. Приходили самые удалые, отчаянные. Спокойной жизни и сказочных заработков им не обещали, наоборот – тревоги и битвы. Давали землю, давали службу, кольчугу, шлем, острый меч и меткое копьё. Ну а к этому прилагались всего лишь честь, слава и благодарность народа, если сумеешь заработать ее. На

валах, на курганах появились знаменитые заставы. Наблюдали за степью, при угрозе зажигали подготовленные костры. Завидев огни или дым, приводились в готовность гарнизоны крепостей. В свою очередь, поджигали огненный сигнал. Он передавался в глубь страны. Крестьяне бежали укрываться в лесах или городах, князь и бояре исполчали воинов...

Сами богатыри, перемешавшись и спаявшись общей судьбой, были уже не вятичами или чудинами, а просто русичами. А их подвиги и самоотверженность, как позже выяснилось, не только цементировали границы государства. Они закладывали кирпичики в фундамент культурных традиций русского народа. Традиции-то стали особыми. Западный эпос превозносил доблесть ради доблести, восхвалял рыцарей, героически месившихся между собой. Потому что и авторам платили те же рыцари. Скандинавский эпос славил драки викингов друг с другом, их успехи на чужеземной службе, количество добычи. Ну а как же иначе, из этой добычи викинги платили певцам-скальдам.

Но достижения русичей под знаменами византийских императоров отмечали разве что греческие, арабские, кавказские историки. На родине они никого не интересовали. На родине воспевали лишь тех воинов, кто защищал свою страну. Дядю и воеводу св. Владимира народная память превратила в одного из любимейших богатырей Добрыню Никитича. Их современником был и Никита Кожемяка, участник битвы под Переяславлем. Реальные Алеша Попович и

крестьянский сын Илья Муромец жили и сражались позже. Тем не менее былины подметили важную деталь. На княжескую службу принимали людей любых сословий, независимо от происхождения. Принимали и иноплеменников: среди былинных богатырей оказываются Михаил Козарин, удалой Рахдай. Св. Владимир привлекал в войско печенежских врагов: торков, черных клобуков (каракалпаков), ясов (осетин), касогов. Приезжали к нему и венгры, скандинавы.

Но каждый, поступавший на службу, обязан был принять крещение, и сама эта служба становилась еще одним способом внедрения христианства. Хотя новые традиции св. Владимир соединял со старыми, славянскими. Например, сохранил обычай княжеских пиров с дружиной. Это были отнюдь не попойки, а старинный ритуал. Хмельное употреблялось умеренно, существовал порядок чередовавшихся заздравных чаш или пускаемых по кругу братин. Дистанция между монархом и его сотрапезниками поддерживалась, но пиры сплачивали дружину с князем. А к св. Владимиру за стол приглашались и видные горожане. В непринужденной обстановке он советовался с подданными по тем или иным вопросам, каждый имел возможность высказать свое мнение.

Сражаться приходилось не только с печенегами. Поляки по-прежнему с аппетитом косились на Прикарпатье. Вместе с ними выступили белые хорваты, подданные Венгрии. В 992 г. св. Владимир выступил на них, разгромил и утвер-

дил западную границу по естественному рубежу, Карпатскому хребту. Не успокоились и волжские болгары. Вторгались в муромские и ростово-суздальские земли, грабили. Св. Владимиру пришлось предпринимать походы на северо-восточную окраину в 994, 996 гг. Изгнав и наказав соседей, заставлял их подтверждать мирные договоры. Постарался и понадежнее защитить дорогу по Клязьме в глубины Залесского края, на месте древнего торгового поселения основал крепость Владимир. А набеги печенегов не прекращались. Они безуспешно осаждали Белгород, пробовали прорваться к Киеву. Словом, опять получалось – с войны на войну.

Между тем, в самом Киеве назревал нешуточный конфликт. Около 992–994 г. умер митрополит Михаил Сирийский. Его преемником стал грек Леонтий, и на этот раз митрополита выбрали не русские, на его кандидатуре настоял Константинопольский патриарх Николай Хризверг. Он взялся проводить ту политическую линию, которую считала полезной Византия. Разумеется, в первую очередь от Владимира требовали расторгнуть связи с Болгарией. А еще лучше, объявить ей войну. Патриархия и ее ставленник нажимали, что надо бы пересмотреть отношения и с западными странами. И если сами греки не считали нужным ссориться с католиками, то для Руси надо было ограничить свободу внешней политики, Леонтий написал целый трактат «против латинян» [93].

Киевское великое княжество подталкивали в струю чисто греческого влияния. А для этого очень важным было

внедрить византийскую культуру, систему понятий и этикета. Пускай русичи ориентируются на «ромеев», перенимают их образ жизни, свято почитают особу императора. Ведь именно таким способом грекам удавалось разлагать и подчинять Болгарию, Сербию, Грузию, Армению, перетягивать на свою сторону и перекупать знать. Причем почти без затрат – всего-навсего обольщая, снисходительно признавая «почти ромеями» и раздаривая не стоящие ни гроша греческие чины и титулы!

Но обвести вокруг пальца св. Владимира было трудно. Он не мог не догадываться, кто ему пакостит печенежскими набегами, и «дружбу» Константинополя оценивал более чем трезво. В международных делах великий князь вел себя независимо, пришлым дипломатам и церковникам вмешиваться в них не позволял. Обменивался посольствами с Германией, заключил мир и союз с Польшей, Чехией, Венгрией. Взаимовыгодные отношения с Болгарией не порывал, а укреплял. Она выглядела политическим противовесом Византии, царь Самуил опять одерживал победы, присоединил Черногорию, в самой Греции у него было много сторонников.

Культуру греков св. Владимир перенимал весьма охотно, но... только лучшее. Приглашал архитекторов, мастеров, иконописцев. А превращать Русь в окраинный филиал Византии он отнюдь не намеревался. Греческое духовенство доказывало, что пиры и скоморохи – грех. Разъясняли, что

князь таким образом роняет свое достоинство. Правда, их собственный младший соправитель Константин пил сверх меры, проводил время на ипподромах и ристалищах, но это грехом не было и достоинства не роняло. Нет, Владимир доводам не внимал, пристраиваться к византийскому этикету даже не думал.

Сам государь был человеком очень культурным для своего времени, любил чтение, «книжную премудрость». Но ведь и эта премудрость приходила в основном через Болгарию. Среди книг той эпохи, популярных на Руси, известны «Евангелие учительное Константина Болгарского», природоведческий «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского, энциклопедический «Изборник» – перевод с греческого, сделанный для болгарского царя Симеона. Из Болгарии шли и переводы исторических хроник, житий святых, эпических поэм. Владимир считал не грешным учиться чему-то полезному и у других народов. Специально направил гостей-купцов в Рим, Иерусалим, Багдад, Египет «посмотреть обычай». Опять же, может быть, завязать полезные контакты.

Нежелание св. Владимира следовать курсу, который ему навязывали, вызывало трения. Случилась накладочка и с церковной собственностью. В Византии многие иерархи становились очень состоятельными людьми, крупными землевладельцами. На Руси церковь тоже жаловали щедро, но Владимир в церковном уставе четко зафиксировал апостольское правило, что достояние церкви – это «нищих богатство,

церквам, монастырям, пустыням подъятие, живым прибежище, а мертвым памяти». В свою очередь, и у государя были серьезные претензии к грекам. За германскими монархами Константинополь признал титул императоров, пусть и «варварских». А куда более могущественного властителя Руси упорно именовал «архонтом». Это означало не более чем «князь». Мало того, титул архонта носили правители византийских провинций. Что ж, коли так, св. Владимир вспомнил другой титул, его носили еще Гостомысл, Рюрик: великий каган. Титул тюркский, но по рангу он соответствовал царскому [85, 100].

Проводником политики Константинополя в Киеве должна была стать не только митрополия, но и супруга государя. Не зря же говорят, «ночная кукушка дневную перекукует». Но с ролью «кукушки», ни ночной, ни дневной, Анна не справилась. Влияния на мужа она не оказывала ни малейшего и не отметилась ни в одном значительном деле. В летописях о ней от свадьбы до смерти не упоминается вообще ничего. Дважды мелькнула в хрониках, а в промежутке будто ее и не было [30]. Единственная добрая характеристика – построила на Руси «много церквей». Ясное дело, греческих. А ее супруг строил отечественную.

При св. Владимире на Руси уже появились первые монахи. Набожный юноша Антиппа из Любеча уехал на Афон, принял там постриг с именем Антония, вернулся на родину и поселился на берегу Днепра в пещере, выкопанной разбой-

никами. Но подготовку священников из русских кандидатов греки притормаживали, под разными предлогами отказывались рукополагать их, силились удержать собственную монополию. А великий князь не ходил к греческим священникам. Кстати, и Св. Причастие принимал не у них. Мало ли что? Береженого Бог бережет...

В 996 г. была завершена и освящена великолепная Десятинная церковь, Успенский собор. Лучший в Киеве. Да что там лучший – пока единственный на Руси храм подобного уровня. Но великий князь отдал его не митрополиту, не «царевниным попам». Весь клир он составил из херсонесских священников, а настоятелем назначил Анастаса Корсунянина – того самого, который пустил стрелу с запиской и помог взять город. Изменника Византии, полностью связавшего судьбу с русскими.

Это уже был скандал, на грани явного разрыва. А церковный конфликт был однозначно связан с семейным. В общем-то супружеская жизнь Владимира и Анны получилась такой, что никак не позавидуешь – ни ему, ни ей. Да и каким могло быть супружество, если жена заранее настроила себя, что ее «заживо хоронят»? Если муж заведомо был для нее «грубым скифом», неполноценным чудовищем? А себя воспалила мыслью, что она – эдакое жертвоприношение во имя империи? И на тебе... жертвоприношение получилось напрасным. Супруг превращаться в «ромея» не намерен, а слушаться советов, внушаемых ему через жену, тем более.

Князь находился в походах, на пограничных рубежах, устраивал и оборонял государство, совещался с боярами, пи- ровал с дружиной – а княгиня все это время варилась в за- мкнутом пространстве терема, в одном и том же кругу с гре- ческими дамами и служанками, евнухами, «царевниными» священниками. Растравляла себя воспоминаниями о Кон- стантинополе, раздражалась непохожей жизнью, манерами русских, поведением Владимира. Сюда за поддержкой наве- дывался и митрополит, шастали его присные, шушукались, выработывали выигрышные, как им казалось, ходы.

Когда муж, усталый и измотанный, или наоборот, радост- ный и окрыленный, появлялся в покоях супруги, много ли он находил душевного тепла, сочувствия, внимания? Ждали ли его любящие жадные объятия? Нет, ждали косые взгля- ды, нервно поджатые губы. Ждало неприязненное и напря- женное тело. В самые неподходящие моменты – попытки по- учать. Когда что-нибудь не по шерсти Константинополю – слезы и истерики. Потом в ее разговорах с приближенными выплескивались сплетни и обиды. А Владимир был бы пло- хим князем, если бы не имел в окружении Анны собствен- ные глаза и уши.

Ответ государя на византийские происки, демонстратив- ная передача Десятинной церкви Анастасу, вывел из себя греков, закрутил новые клубки интриг, и терпение Владими- ра лопнуло. Он решил покончить с таким положением. Пе- ревести Русскую церковь под юрисдикцию Охридской пат-

риархии и расстаться с Анной. Что было первичным? Впрочем, разделять было бы бессмысленно. Это были две стороны одной медали. Переход в лоно Болгарской церкви автоматически вызвал бы желание Анны разорвать с мужем. А расторжение брака с Анной автоматически означало разрыв с Константинопольской патриархией.

Разводы венценосных супругов в тех или иных государствах иногда случались. При этом жена обычно постригалась в монахини. А предлог у Владимира имелся основательный, его признавала Церковь во всех христианских странах – бесплодие жены. Восемь или девять лет для проверки было куда больше, чем достаточно. Но, если уж разобраться, то удивляться бесплодию Анны не приходилось. Наследственность-то у нее была очень неважной. По политическому престижу – недостижимая по рангу невеста Европы, а с медицинской точки зрения – дочь хронического алкоголика Романа II и трактирной шлюхи Феофано. Здоровье у Анны было слабым (умерла в 48 лет), да и ее братья известны патологиями. Василий II вообще не интересовался женщинами. Константин VIII (как и Василий II), страдал садизмом, ходил в застенки любоваться на пытки...

Как бы то ни было, Русь изменила политический курс, а императорская сестра удалилась доживать век в монастыре. Сведений об этом не осталось ни в одной летописи. Потому что в них с 997 г. следует... обрыв на целых 17 лет! Вся вторая половина княжения св. Владимира оказалась из них

удалена [30]. Последующие греческие митрополиты Киева постарались напрочь изъять этот период. Исторические события данных лет приходится восстанавливать по крупницам, по отдельным упоминаниям, иностранным источникам.

И все-таки спрятать правду не удалось. Кое-что не рассмотрели. В тех же самых летописях, в житиях святых, дружно, в один голос указывается: младшие сыновья великого князя, святые Борис и Глеб, родились от болгарки, и в 1015 г. оба были еще юными, неженатыми. Болгарку летописцы упоминают в общем списке «языческих» жен св. Владимира. Очевидно, она была дочерью или внучкой царя Самуила. Расторгнув брак с Анной, великий князь повенчался с ней. Это четко соответствует выводу многих ученых о переориентации Русской церкви на Болгарию [16, 30]. Некоторые источники приводят имя болгарки – Милолика или Милица [89]. Что ж, красивое имя. Невольно наводит на мысль, что и сама княгиня ему соответствовала. И только Ипатьевская летопись, вообще обойдя молчанием византийку, сообщает, что женой св. Владимира была болгарская царевна, а христианское имя у нее было такое же, как у предшественницы, Анна.

С молодой женой государь наконец-то нашел и настоящую любовь. Она видна хотя бы из отношения к детям от нее. Видна даже из имени их первенца. Имя резко выделяется из тех, которые были приняты до сих пор в роду Рюриковичей. Борис. Оно болгарское, причем не простое. Это имя св. рав-

ноапостольного Бориса, крестителя Болгарии. И имя Бориса II, последнего царя единой Болгарской державы. Ну а Византию Владимир Святославович вогнал в такой шок, что глубже уж просто некуда. На протяжении веков лишь несколько монархов сумели правдами и неправдами жениться на представительницах императорской семьи. Но чтобы пренебречь столь высокой особой и развестись с ней – подобных случаев еще не было! На это оказался способен только русский князь. Хотя, с другой стороны, это ведь тоже показатель престижа государства и его могущества, разве не так?

6. Св. Владимир и заговорщики

Альянс Руси и Болгарии крайне встревожил императора Василия II. В 1000 г. он как раз завершил покорение Грузии и Армении, свернул боевые действия в Сирии и все силы перебросил на Балканы. С 1001 г. развернулось наступление на Болгарию. Царя Самуила в Македонии клевали отвлекающими ударами, а основные византийские контингенты вторглись в Восточную Болгарию. Русь не могла оказать ей помощь. Снова активизировались печенеги, связали ее войной. К тому же, в Восточной Болгарии царила повстанческая анархия, кому там помогать? Зато для греков это облегчало победы. Некоторые болгарские бояре и православные епископы сами передавались императору, чтобы защитить от разгулявшихся мятежников и еретиков. А Василий II теперь продвигался не торопясь, закреплял каждый шаг. Пали Видин, Плиска, Преслава [100]. Повстанцев истребляли, опустошали землю, сжигали селения, массы людей угоняли и переселяли на Кавказ. К 1004 г. Восточная Болгария была захвачена, а Западная – отрезана от Руси.

После этого Василий II перешел к планомерной осаде Самуила. Попросту покупал его военачальников, и они сдавали город за городом. Болгарское царство уменьшалось, зажималось в горных районах. А в 1014 г. при Кимвалунге Самуил пытался защитить проход по ущелью. Но византийский

отряд горными тропами вышел ему в тыл, возникла паника и войско было разгромлено. Самуил едва спасся бегством, 15 тыс. болгар попали в плен. Император приказал всех ослепить. На каждую сотню оставляли одного поводыря, выкалывая ему только один глаз, и отпускали прочь. За это Василий II получил прозвище Болгаробойца.

Когда слепое воинство пришло к Самуилу, он не выдержал, умер от отчаяния. Наследником был его сын Гавриил-Роман, но византийская агентура умело плела заговоры среди болгарских аристократов, и царевич даже не успел сесть на престол, его убил родственник Иоанн-Владислав. Он объявил себя царем и обратился к грекам, просил мира, заранее соглашался на все требования императора, обещал полное подчинение. Не тут-то было. Императору не требовалась вассальная Болгария, он хотел вообще ее ликвидировать. Вскоре Иоанн-Владислав пал от руки неизвестного убийцы, и страна рассыпалась на десятки мелких владений. Василий II скопом покупал их начальников, принимал на службу, присваивая греческие чины.

Болгарской церкви император даровал грамоту, подтверждающую ее права, она сохраняла особый статус и окормляемые ею области. Но как только угасли остатки сопротивления, византийцы расставили в городах гарнизоны, назначили свою администрацию. Болгарскую знать Василий переселял в греческие области, заставлял перемешиваться с греками, вступая с ними в браки. Сотни тысяч простых людей де-

портировали на Кавказ. А Болгарскую церковь превратили в архиепископию в составе Константинопольской патриархии, и о ее автономии было забыто.

Погромы в Болгарии вызвали приток эмигрантов в нашу страну, в том числе столь необходимых священников, учителей. Св. Владимир охотно принимал их, они обретали новую родину. Руси участь Болгарского царства никак не грозила. Император мог сколько угодно злобиться, строить каверзы, но сокрушить Киевскую державу было не в его силах. Набеги печенегов теперь успешно отражались. Укрепив южные рубежи и создав базы в приграничных крепостях, св. Владимир и его воеводы сами начали совершать походы в степь. Южные районы обрели безопасность, заселялись и благоустраивались, прежде безлюдные просторы оживали деревнями, колосились засеянными полями. Разрастался и красавец Киев. Иностранцы называли его «вторым Константинополем», историк Титмар со слов очевидцев-поляков писал, что в нем «находилось более 400 церквей, 8 торговых площадей и необычное скопление народа, который, как и вся эта область, состоит из беглых рабов, стекшихся сюда отовсюду... Киев оказывал постоянное сопротивление печенегам».

Насчет рабов поляки, конечно, наврали из вражды к русичам, но доля истины в их словах была. Если холоп бежал от язычника-хозяина и принял крещение, его не выдавали. Как же можно христианина отдать язычнику? А коли так, то и состоятельным язычникам приходилось призадуматься, не

пора ли сменить веру, чтобы не разориться? Строго запрещались и браки с иноверцами. Полюбил крещеную девицу – крестись сам. Да и вообще жить в богатом Киеве оказывалось выгодно и безопасно, а чтобы влиться в мир христианского города, нужно было стать христианином. Сюда перебирались купцы, умелые ремесленники.

Но торговлей и промыслами на Руси не гнушались заниматься не только простолюдины, а бояре, князья. Не сами, конечно, а через тиунов, управляющих. На этом разбогатело новгородское боярство, «триста золотых поясов». А св. Владимир организовал в Вышгороде, Белгороде, Берестове большие мастерские по производству полотна, вышивке. Как раз эти мастерские с сотнями работниц враги князя изобразили в сплетнях его гаремами. Русь богатела, начала чеканить свою монету, золотую и серебряную – с надписями «Владимир, а се его серебро», «Владимир, а се его злато», «Владимир на столе» [30]. По тогдашним понятиям, это тоже было политической акцией. Вассальный князь обязан был указать на монетах имя своего сюзерена. «Владимир на столе» означало царя, самодержца. Без малейшего намека, что византийцы числят его своим подданным.

Св. Владимир пользовался колоссальным уважением за рубежом. К нему присылали дипломатов, обращались с просьбами. Германский император Генрих II попросил пропустить миссионера Бруно Квертфуртского к печенегам, и великий князь не отказал. Русь от Православия не отступа-

ла, и о проповеди латинян на ее территории даже речи не было. Но у печенегов – почему бы и нет? Это могло быть полезным, вывести степняков из-под византийского влияния. Владимир хорошо принял Бруно в Киеве, лично проводил до пограничных валов, но предупредил, что сильно сомневается в успехе. Ведь и сам князь уже пробовал обращать печенегов в христианство. И действительно, миссия не дала никакого результата.

Но при всех достижениях Руси она оставалась очень непрочной. Народы, вошедшие в состав государства, еще не были связаны общими историческими судьбами, каждый осознавал себя отдельной общностью, жил «своим обычаем». А городское боярство составилось из бывших племенных верхушек, тянуло к самостоятельности. Почему оно должно подчиняться Киеву? Первая трещина возникла там, где объединение племен было самым недавним и «срастись» так и не успело, в Полоцке. Переезд туда княжича Изяслава, а тем более Рогнеды, был серьезной ошибкой государя. Полочане не забыли, как их город взяли новгородцы, как убили их князя с сыновьями. Возвращение его дочери восприняли как восстановление прежней, «законной» власти.

Видимо, и Рогнеда, оскорбленная разводом, поощряла такие настроения. В какой-то мере они даже соответствовали древнему русскому праву: приданое считалось собственностью жены, при распаде семьи возвращалось ей [73, 93]. В данном случае под «приданным» начали подразумевать По-

лоцкое княжество. Изяслава мать женила на местной девушке. В 1000 г. Рогнеда отошла в мир иной, через год преставился и Изяслав. В Полоцк следовало послать другого сына государя, но городское боярство потребовало, чтобы у них княжил внук Брячислав – ребенок Изяслава, здешний уроженец. Владимир счел вопрос не принципиальным и согласился. Стоило ли ссориться с целой областью из-за пустяков? Какая разница, кто из его потомков будет там править? Глядишь, вернее будут служить со «своим» князем. Это была еще одна ошибка. Полочане убеждались в своей самостоятельности, снова возникала отдельная династия.

Около 1010 г. умер еще один сын, новгородский князь Вышеслав. Тут проблем, вроде бы, не было. Великий князь перевел в Новгород Ярослава. Несмотря на молодость, он уже получил неплохую подготовку, накопил опыт правителя. Установил контроль над Залесской землей, хорошо себя проявил в столкновениях с волжскими болгарами. А вместо Ярослава в глухой Залесский край св. Владимир направил подрастающих младших детей, Бориса и Глеба. Борис должен был княжить в Ростове, а Глеб в беспокойном приграничном Муроме. Приехали они вместе, остановились лагерем в Кидекше, сопровождавшие бояре отправили делегацию договариваться с муромлянами. Но и они оказались упрямыми язычниками, Глеба впускать отказывались. Их убеждали, уламывали, угрожали – ничего не помогло, «невернии быша людие и жестоцы и не прияша его к себе».

Глебу, как когда-то Ярославу, пришлось строить отдельную резиденцию [12].

Борис и Глеб были из первого русского поколения, родившегося уже в христианстве. Их детские годы прошли в бурной атмосфере торжествующего Православия, его распространения по стране, разговоров о нем – и ученых, и наивных, в атмосфере откровений и свершений. Оба мальчика с пеленок впитали этот радостный дух Веры и несли его в себе. Чистые, незамутненные, они жили христианским учением и только им. Они и свое назначение на север восприняли в первую очередь как задачу миссионеров. О сборе податей договаривались их опекуны, а они видели главным Веру. Боярский Ростов помаленьку шел на уступки. Видные горожане начинали креститься, если не из веры, то ради карьеры. В городе был построен дубовый храм Пресвятой Богородицы. А Глеб построил церковь Спаса в своей резиденции. Он привез с собой и нескольких монахов. Возможно, соплеменников матери, болгар. Основал первый на территории России Спасо-Преображенский монастырь. Надеялся, что это поможет обратить язычников, но пока его надежды оставались тщетными.

Ну а Ярославу в Новгороде потребовалось сразу же подтвердить свои воинские качества. При киевском дворе нашла пристанище вдовствующая королева Норвегии Астрида с малолетним королем Олафом – им пришлось бежать от родственника, принца Эрика, захватившего престол. Олаф

рос и учился на Руси, служил Владимиру, при его поддержке навербовал дружину и отправился добывать свое королевство. По некоторым данным, с ним пошел отряд волынского князя Всеволода Владимировича. Он сложил голову в Скандинавии, но Олаф победил и выгнал Эрика.

Тот укрылся в Швеции и крепко обиделся не только на соперника, но и на русских. Задумал расквитаться с ними, а заодно приобрести какие-нибудь владения взамен Норвегии. Заключил союз со шведским королем Олафом Скотконунгом, получил возможность набрать войско и внезапным налетом захватил Ладогу. Но устроить на Руси то ли герцогство, то ли пиратское гнездо принцу не позволили. Ярослав с новгородцами быстро перекрыл дороги из Ладоги, не давая пришельцам расширять плацдарм. Подоспел и св. Владимир с подмогой. Осадили Ладогу, после долгих и упорных боев незваных гостей вышибли.

На Швецию обрушились ответные удары – новгородским ладьям до ее берегов плыть было ровно столько же, сколько шведам до Руси. Король Олаф взмолился о мире. Великий князь и новгородцы согласились. Драки на Балтике были им совсем ни к чему. А скрепили договор браком, король выдал за Ярослава свою дочь Ингигерду. Привезли, правда, совсем еще девочку, лет десяти, тоненькую и хрупкую. Ей еще требовалось подрасти, прежде чем сможет стать настоящей женой. Но в венценосных браках подобное бывало нередко. Девочка была умной, с ходу схватывала незнакомые русские

слова, начала учиться грамоте. Симпатичная, со временем обещала стать красавицей. А главное – принцесса, не кто-нибудь. Ее окрестили, назвали Ириной, обвенчали честь по чести.

Но вслед за северным соседом заявил о себе западный, польский Болеслав Храбрый. Это был монарх могущественный и крайне воинственный. Он задумал создать собственную обширную державу. Захватил земли полабских славян, восточные немецкие районы, оккупировал Чехию. Германский император Генрих II потребовал хотя бы принести за Чехию вассальную присягу, она входила в состав империи. Болеслав отказался и крепко поколотил немцев. Но чехи восстали. А лютичи, прежде выступавшие против Германии, под властью Польши тоже быть не желали. Вместе с чехами присоединились к императору, к коалиции примкнула Венгрия. Совместными силами поляков потеснили, заставили уйти из Чехии.

Болеслав нашел выход, обратился к Владимиру. Предложил вступить в союз с Польшей и посватался к его дочери Предславе. Но ввязываться в совершенно ненужную войну с немцами великий князь не соблазнился. Да и дочку пожалел – Болеслав, даром что «храбрый», был необыкновенно толстым, он даже передвигался с трудом, а на коня его подсаживали слуги. Зато воевать он готов был с кем угодно, без разницы. Получив отказ св. Владимира, оскорбился. С германским императором тут же заключил мир, даже согласил-

ся признать себя его вассалом, и в 1013 г. полез драться на Русь [36]. Но витязи у св. Владимира были ничуть не хуже, чем у немцев и венгров, и их было вполне достаточно. В первых же боях они крепко всыпали полякам, и Болеслав сообразил, что он, пожалуй, погорячился. Заюлил, вступил в переговоры. Мир условились обставить по-родственному, и свадьба все-таки состоялась, но не Болеслава и Предславы, а другая. Король выдал свою дочь за Святополка, княжившего в Турове.

Этот «сын двух отцов» получил область отнюдь не маленькую – она охватывала южную часть Белоруссии, города Туров, Пинск, Брест. Княжество было куда более благоустроенным, чем далекое Ростово-Суздальское Залесье, в 1006 г. здесь была учреждена самостоятельная епархия. В общем, отчим усыновленного племянника не обидел. Но рядом со Святополком находилась его мать-гречанка, вдова Ярополка. Уж она-то теплых чувств к Владимиру никак не питала. Пока жили в Киеве, еще приходилось придерживать язык. А потом очутилась с восьмилетним сыном в Турове. Тут мать и ее окружение держали Святополка под полной опекой. Вдалбливали и раз за разом перемывали, как узурпатор-дядя коварно сверг и убил его отца, какое блестящее положение он занимал бы при Ярополке: первенец, законный наследник!

Русские умельцы строили чудесные хоромы – светлые, жизнерадостные, украшали их затейливой резьбой, чтобы

даже глазу, и то приятно было скользнуть по фигуркам и завитушкам. Таким был и туровский дворец. Но наполняли его злоба и ненависть. Они копились день ото дня, год за годом. Церковный разрыв с Византией добавил новую порцию яда: ведь приближенные матери и ее духовники были греками, поддерживали связи с соотечественниками в Киеве, Константинополе. И все это вливалось в молодого князя. Впрочем, какого уж молодого? Святополку перевалило за 30, а мать цепко удерживала его под своим влиянием, не позволяла жениться. Для истинного наследника киевского престола любая боярская девка была неподходящей партией...

Болеслав Храбрый знал, что творится в Турове. А сочетать храбрость с честностью и благородством король полагал излишним. Предложение о браке было выверенным снайперским ходом. В бою Русь не сломишь, разве что лоб расшибешь, так почему не подарить «троянскую лошадку»? Радужный улыбающийся король привез дочку – пышная, цветущая, вся в папу. Как водится, повенчали, от души погуляли, с озорными прибаутками отправили молодых на сеник... Но к дочке прилагался духовник, и не простой, а королевский, колобжегский епископ Рейнберн. Празднества отгремели, родные и гости разъехались, а как остались в узком кругу, Рейнберн от имени Болеслава выложил Святополку: а не пора ли ему отделиться от ненавистного дяди, перейти со своим княжеством под руку любезного тестя?

Но все же измену затеяли недостаточно скрытно. Влади-

мир Красно Солнышко у власти находился не первый день, и соседка явно его недооценивал. Неужто великий князь и сам не знал, что в Турове неладно? Неужто не позаботился, чтобы рядом со Святополком находились верные люди? Вызреть заговору он не позволил. Как только открылось, что «сын двух отцов» ответил Болеславу согласием, исподволь подговаривает ближних бояр поменять Отечество, а вместе с ним и веру, Владимир рассудил, что его отцовские обязанности к приемышу исчерпаны. Теперь надо выполнять обязанности государя. Дружинники нагрянули и накрыли теплую компанию. Привезли в Киев, королевну устроили деликатно, при дворе. А Святополка с Рейнберном определили туда, где и положено находиться предателям, в темницу. Епископ только что пребывал в уверенности, все идет как надо – и вдруг на тебе! Такого потрясения Рейнберн не перенес, в тюрьме скончался.

7. Святые Владимир, Борис, Глеб и Святополк Окаянный

Казалось, спокойствие на Руси наладилось – ан нет... Подал голос Новгород. Город богатый, край обширный, и подать в казну он должен был платить немалую, 3000 гривен серебра в год. Треть шла на содержание местного князя и его дружины, две трети отправлялись в Киев. Новгородские бояре давно уже роптали, а надо ли платить? На ком стоит вся Русь, как не на новгородцах? Разве от Киева держава выростала? Разве не Новгород призвал Рюрика, шел на Киев под знаменами Вещего Олега, был вотчиной Святослава, возвел на киевский престол самого Владимира? И где же благодарность?

Князь Ярослав новгородцам понравился – хоть и хромой, но смелый, решительный, умный. Они тоже Ярославу понравились. Вместе шведов лупили, сжились, почти что сроднились. В боях и свою силу почувствовали, закружились молодецкие головушки. «Золотые пояса» принялись подзуживать князя. Полоцк для Владимира брали новгородцы, а теперь-то Полоцк ничего не платит. Это как, справедливо? А Смоленск, Чернигов, Волынь, Ростов, Муром сколько отстегивают в казну, разве по три тыщи? Почему Новгород должен за всех отдуваться? Столица и без того благоденствует,

купаются в роскоши, неужто сами не нашли бы, куда деньги девать? Храмы и дворцы отгрохали бы не хуже киевских! Почему на новгородские деньги укрепляются южные границы? Разве печенеги разоряют наши земли? Лучше бы ту же Ладогу укрепили на будущее...

Ярославу их доводы показались резонными. Новгородскую землю нужно было восстанавливать после войны, а с нее серебро требуют! В 1014 г. он отписал отцу, что дани присылать не будет. Владимир, разумеется, рассердился. Пригрозил ослушнику, что приведет его к порядку силой. Но здесь уж нашла коса на камень. Гнев отца Ярослав расценил как незаслуженный, в свою очередь завелся. Да ему и стыдно было бы отступить – перед новгородцами, перед молодой супругой. В конце концов, он князь или не князь? В войне побеждал, на дочери шведского короля женат. Отрезал – не будем платить, и все.

Такая строптивость уже зашкалила через край, и св. Владимир велел собирать войско. Намеревался ли он сражаться против сына? Конечно, нет. Он прекрасно знал, что кашу заварили новгородские бояре, жалевшие свои кошельки. Но великий князь знал и другое: эти бояре тоже не хотят войны. Помнил, что случилось в 977 г. Когда Ярополк и Свенельд послали отряды на Новгород, «золотые пояса» настояли, чтобы он, Владимир, отчаливал за море. Ведь при осаде могли погибнуть их дома, богатства, разорались бы их села. А сейчас они пытались припугнуть, выторговать поблаж-

ки. Схватки с печенегамы научили киевлян мгновенно поднимать полки. Государь имел возможность выступить сразу же, по удобной зимней дороге. Но на этот раз, в отличие от броска на Туров, он готовился к походу не спеша, помаленечку. Давал Новгороду время одуматься. Поймут, что он не уступит, да и зачешутся, закинут удочки для переговоров.

Но измена Святополка и выходка Ярослава заставили великого князя задуматься о другом... Сыновей у него было много, от разных матерей, разного воспитания. Некоторые уходили из жизни во цвете лет. Тем не менее в Тмутаракани еще оставался Мстислав, у древлян Станислав, в Пскове Судислав. Кто знает, какие мысли варятся в их молодых головах? А ну как заявят о себе после Полоцка, Турова, Новгорода? А как они уживутся друг с другом, когда не станет отца?... Системы наследования власти на Руси еще не существовало.

Древнее русское право предусматривало минорат. Даже позже эта традиция отразится в Русской Правде: «Двор отеческий всегда без раздела принадлежит меньшему сыну». Но при младшем государе власть могли перехватить временщики, в свое время это уже случилось с Игорем Рюриковичем [105, 106]. В Европе установилась другая система, майорат, власть и владения передавались от отца к старшему сыну. Но ведь формально старшим считался Святополк! В ту эпоху существовали и иные традиции. В Германии наследника выбирал съезд князей, а в Византии и Болгарии монархи са-

ми определяли преемника. Нередко греческие и немецкие императоры еще при жизни короновали наследников, назначали их соправителями, чтобы передача власти прошла без потрясений.

Владимир решил поступить так же. Он вызвал к себе сына Бориса. Именно его великий князь наметил в преемники. Хватит ему сидеть на ростовской окраине. Пусть будет рядом, входит в хитросплетения киевской политики, приучается к государственным масштабам. А бояре, войско, другие сыновья пускай привыкают, что вот он, будущий правитель. Борис приехал радостный, одухотворенный. Соскучился по отцу, по родным, по красивым киевским храмам. Спешил рассказать о своих делах на севере. Воевать с Ярославом Борис и подавно не был настроен, относился к нему с уважением. В Ростове на каждом шагу приходилось видеть и слышать, чего достиг первый русский князь, что он построил, как решал те или иные вопросы. Да и вообще евангельское сознание Бориса не вмещало, что можно скрестить оружие с родным братом. Он же не враг Руси, не чужеземец.

За Ярослава заступалась перед отцом и дочка Предслава. Она дружила со старшим братом, переписывалась с ним. Мало ли с кем не бывает – погорячился, советники попутали. Великий князь размышлял, как лучше ликвидировать глупый конфликт. Например, Предслава напишет как бы от себя, подаст надежду на примирение. А когда выступит войско, новгородцы в любом случае пойдут на попятную. Тут-то

Ярослав сам поймет, чего стоят их подзуживания. Да и миролюбивый Борис поможет усювестить брата. Можно будет пойти и на уступки новгородцам, но не первому и не сразу. Выждать, чтобы поклонились, повинились...

Воплотить планы государь не успел. Заговор уже сплелся рядом с ним, в Киеве. Основу его составило столичное боярство. Оно усилилось, богатело, наследственные угоды дополнялись новыми государевыми пожалованиями. Державная власть великого князя стесняла знать, раздражала. Не лучше ли, как на Западе? Бояре не забыли, как их отцы в свое удовольствие заправляли Киевом и всей страной при Ярополке. Сейчас в тюрьме сидел его сын... Но сами столичные тузы никогда не осмелились бы что-то замыслить против св. Владимира. Куда им было копать под такую могучую фигуру! Пример Турова был слишком свежим. Организовать заговор исподтишка помогли византийцы. Вот им-то св. Владимир стоял поперек горла. С заключенным Святополком велись тайные переговоры, выработывались условия. Приезд св. Бориса и разговоры, что он будет провозглашен наследником, подстегнули изменников.

Великий князь был еще совсем не стар, ему лишь перевалило за 50. Здоровье у него было отменное, ни разу и нигде не упоминалось о его болезнях, он постоянно бывал в походах, на коне. А весной 1015 г. он внезапно почувствовал недомогание. Была ли вызвана его болезнь естественными причинами? В этом можно усомниться. Уж как-то все слиш-

ком «своевременно» сложилось. Крамольникам было необходимо удалить из Киева собравшуюся армию, и поступило ложное донесение о нападении печенегов. Государь поручил войско св. Борису – вот ему и первое поручение в роли «правой руки» отца. Хотя состояние великого князя не вызывало никаких опасений. В противном случае разве смог бы сын оставить его? Для командования имелись и воеводы. Но войско выступило в степи, а после этого самочувствие св. Владимира резко ухудшилось, всего через несколько дней, 15 июля, Креститель Руси предал душу Господу...

И вот тут-то сработали все подготовленные механизмы. Волю великого князя о наследнике бояре утаили от киевлян, а от остальных городов утаили даже его смерть. Сразу же выпустили из темницы Святополка, он объявил себя государем. Первым делом раскрыл богатейшую казну, накопленную приемным отцом, принялся раздаривать сокровища. Естественно, не всем киевлянам. На всех никаких сокровищ не хватило бы. Он расплачивался с теми, кто посадил его на престол, покупал других сторонников. В заговоре оказалось замешано столичное духовенство – и греки, и обласканный Владимиром Анастас Корсунянин. Что, в общем-то не удивительно, предавший один раз предаст и во второй. Киевские иерархи не обличили узурпатора, признали законным властителем. Его поддержали и евреи. Ведь он был зятем Болеслава Храброго, а польские короли очень благоволили евреям, дозволили им свободно бывать и торговать при своем

дворе [16].

Тем временем св. Борис с войском бесцельно поблуждал по степям, никаких печенегов не встретил и повернул назад. А на р. Альте его встретило известие, способное ошеломить кого угодно: отца уже нет в живых, и в Киеве воцарился Святополк. Многие витязи возмутились. Они-то знали, кого прочил в преемники покойный Владимир. Предложили св. Борису – дело поправимое, а горевать сейчас не время. В твоём распоряжении войско, отцовская дружина. Айда на Киев, и вышибем наглеца! Дружинники знали, князь не был трусом. Ещё мальчиком участвовал с отцом в походах на печенегов, в Ростове дрался с волжскими болгарами. Но... св. Борису претила сама мысль схлестнуться с русскими против русских, развязать братоубийство. Нет, он предпочел пожертвовать властью. Сказал, что Святополк – его старший его брат, он готов подчиниться старшему, как отцу. Он не хотел давать даже повода к столкновению. Демонстративно показал, что он не намерен сражаться – остановился лагерем на Альте, отправил в Киев гонцов, а войско отпустил.

О, для заговорщиков все складывалось как нельзя лучше! Главный воевода Владимира Волчий Хвост состоял в их числе, повел воинов присягать Святополку и получать за это серебришко. Новый государь, в свою очередь, послал св. Борису дружеский ответ, рассыпался в любезностях, обещал выделить дополнительные владения. Но настроен он был совсем не мирно. Он решил попросту истребить братьев. Со-

звал в загородной резиденции, Вышгороде, тайное ночное совещание. Бояре Талец, Еловит, Ляшко и Путша получили однозначное и недвусмысленное указание: «Не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса».

Далеко не все киевляне были в восторге от Святополка. Среди дружинников, слуг, хватало таких, кому темные делишки вокруг трона совсем не понравились. Центром оппозиции стал не столичный клир, не купленные на корню придворные, а девушка. Дочь св. Владимира Предслава. Узурпатор не обратил внимания на княжну, а к ней стекались тревожные сведения, она старалась узнать о замыслах, вызревающих в окружении Святополка [73]. К св. Борису полетел сигнал об опасности. Но князь не успел ничего предпринять. Бежать к врагам-печенегам он счел для себя недопустимым, а убийцы были тут как тут.

При св. Борисе оставалась только личная дружина, сверстники – такие же молодые, как их князь. Тем не менее бояре с бандой опытных головорезов не решились напасть открыто. Боялись даже взглянуть своей жертве в глаза. Затаились и ждали ночи. Св. Борис долго молился в шатре. Мало того, он молился о душе Святополка... Лишь после того, как он лег в постель, злодеи кинулись делать свое дело. Ударили князя копьями через стену шатра, ворвались вовнутрь. Верный телохранитель венгр Георгий пытался закрыть князя собой и был убит. Прикончили и остальных дружинников, кроме тех, кто сумел скрыться в темноте.

Св. Бориса завернули в попону, повезли предъявить «работу» Святополку. Но выяснилось, что израненный князь в невероятных страданиях еще дышит. Сводный брат брезгливо дал знак, и его закололи мечами. Отряды убийц были высланы и к другим родственникам. Древлянский князь Святослав получил известие о судьбе Бориса, пытался бежать за границу. Погоня настигла его в Карпатах и умертвила. А св. Глеба задумали выманить из далекого Мурома. Отправили письмо, будто отец тяжело заболел, зовет его к себе (вот, кстати, еще одно доказательство, что св. Владимир до весны 1015 г. был здоров). Но и Предслава не сидела сложа руки, к братьям поскакали ее слуги...

А в Новгороде как раз в это время начала приносить плоды выжидательная тактика покойного Владимира. Его предположения, что единство Ярослава с горожанами продержится недолго, оправдались очень скоро. Ожидая, что вот-вот нагрянет киевская рать, Ярослав призвал наемных варягов. А рать не появлялась. Наемники бездельничали, скрашивали скуку выпивкой, хулиганили, приставали к женщинам. Новгородцы злились. В один прекрасный день группа пьяных варягов разошлась, полезла пощупать горожанок. Люди возмутились, набросились на чужеземцев и поубивали попавшихся под руку. Правда, поостыли, послали к князю делегатов, согласились заплатить «виру», штраф за кровь.

Но тут уж вскипел Ярослав. Новгородцы поставили ни во что законы и его власть. За бесчестье женщин вообще-то по-

лагался штраф, а не смерть, и карать преступников имел право только князь. Получалось, что город поссорил его с отцом, а теперь ссорит и с варягами? От Владимира Новгород откупится точно так же, как хочет откупиться от него, а Ярослав перед отцом останется крайним? Он поступил строго по букве закона. За убийство следовала кровная месть, и князь отдал делегатов на расправу варягам. Новгород зашумел, взбурлил... И именно в этот день примчался гонец от Предславы! Словом, было от чего схватиться за голову. Город бунтует и вооружается, а из Киева прикатились такие вести!

И все-таки Ярослав не зря заслужил прозвище Мудрого. Он сумел найти выход, казалось бы, из безвыходного положения. Выход довольно простой, но для него и впрямь требовались смелость и мудрость. Князь перешагнул через свою гордость. По бушующим улицам и площадям поехали вдруг его слуги, оповещали – Ярослав созывает вече. Новгородцы удивились, но и подзавелись. Ага, то что надо! Сейчас с него спросим! Хлынули к князю на двор. А он вдруг вышел перед людьми, поклонился и покаялся. Да, он убил своих слуг и подданных. Да, сегодня он отдал бы все золото, чтобы вчерашней трагедии не было, но это уже невозможно. Ну а сегодня стало известно: великого князя больше нет в живых, на престоле в Киеве сел Святополк и уничтожает братьев.

Новость прогремела, как удар грома. Новгородцы были поражены. Все проблемы и страсти, которыми они жили в

последние месяцы, разом перечеркнулись. Приходили в себе не сразу. Задавали вопросы, уточняли, что и откуда узнал князь. Начали обсуждать. Что ж, у них были личные счёты с князем, были обиды на Владимира, но... неужели подчиниться окаянному братоубийце? Обдумывали еще и еще раз, взвешивали со всех сторон. Но и не только с эмоциональной, с практической точки зрения дело совсем не нравилось. Кому хочется, чтобы снова сели на шею хищные киевские наместники, как при Ярополке? Бояре не забывали и о претензиях к Киеву, о собственных интересах. А ведь если подсобить Ярославу, то от него можно и заслужить желанные льготы. Как ни крути, а вывод напрашивался однозначный. Новгородцы потолковали и объявили: «Государь, мертвых нам не воскресить. Пойдем добывать тебе стола киевского».

Ярослав послал письмо Глебу, звал его укрыться в Новгороде. Но в бескрайних Залесских дебрях найти князя было не просто. Ложное приглашение Святополка к «больному отцу» дошло раньше. Св. Глеб был еще совсем мальчиком. Взволновался, сел на коня и сразу заспешил в Киев. Гонец Предславы ехал какой-то другой дорогой и разминулся с князем. По пути под Глебом оступилась и упала лошадь, он повредил ногу. Нашли несколько лодок, пересели в них. При этом пришлось оставить почти всю конную дружину. Поплыли по Волге, а в начале сентября выбрались на Днепр возле Смоленска. Только здесь Глеба сумел перехватить посланец от Ярослава. На мальчика внезапно свалились изве-

ствия, способные ошеломить кого угодно. Его отец не болеет, а уже полтора месяца в могиле! Его брат Борис убит...

Потрясенный князь сделал остановку на р. Смядыни, изливал душу в молитвах и рыданиях. Тут его и поймал один из отрядов убийц во главе с неким Горясером. Слуги у св. Глеба подобрались далеко не лучшие. Пребывание в окраинном Муроме не принесло им никаких прибытков и надоело. А старания князя, чтобы его приближенные следовали христианским правилам, раздражали их. Заступиться за мальчика и погибнуть за него не счел нужным никто. Предпочли перекинуться на сторону сильнейшего, а собственный повар св. Глеба инородец Торчин пожелал выслужиться и зарезал его. Труп спрятали в чашобе, засунули между двумя колодами.

Русь раскололась. Святополк Окаянный был не глупым человеком, он прекрасно отдавал себе отчет, что народ вовсе не на его стороне. Поэтому наступать на Новгород не пытался. Наоборот, он готовился обороняться на юге и для этого заключил союз с печенегами. Св. Владимир воевал с ними четверть века, и замирился никак не удавалось (да и попробуй замиришься, если в печенежские кочевья регулярно навещались византийские эмиссары с мешками золота). Зато у узурпатора ни малейших затруднений не возникло! Печенеги буквально с ходу стали его друзьями!

Но новгородцы изготавились серьезно, на вербовали тысячу варягов, снарядили 3–4 тыс. своих ратников и двинулись на врага. По дороге к ним присоединялись добровольцы из

других мест. Святополк вывел навстречу свою дружину, отряды киевских бояр, призвал печенежскую конницу. Поздней осенью 1016 г. сошлись на Днепре у Любеча. Уже примораживало, и холодная река разделяла противников. Киевлян и их союзников было значительно больше, и к тому же, у них были профессиональные воины, а у Ярослава вооруженные простолюдины. Насмехались, воевода Волчий Хвост ездил по берегу и орал: «Эй вы, плотники, зачем пришли сюда со своим хромым князем?»

Хотя дух киевского воинства оставлял желать лучшего. Русские и печенеги враждебно косились друг на друга, во избежание беды их пришлось поставить отдельно, на разных берегах замершего озера. Часть дружинников в душе сочувствовала Ярославу, даже один из воевод пересылался с ним, подсказывал, как лучше ударить. А Святополк силился возбудить симпатии воинов к себе, подогреть боевой пыл. Для этого он придумал единственное средство – крепко поил их каждый вечер.

Ярослав, оценив ситуацию, решил атаковать. Новгородцы постановили – любого струсившего считать изменником и убивать. Переправились ночью и оттолкнули лодки, сами себе отрезая путь к отступлению. Обвязали головы платками, чтобы различить в темноте своих, и навалились на пьяный стан. Засверкали боевые топоры и мечи, круша врагов. Печенеги, отрезанные озером, не могли помочь Святополку. Киевляне начали отходить к ним по тонкому льду, он прова-

лился. Разгром был полным... Святополк в панике ударил в Польшу к своему тестю, бросил жену в Киеве. А столица, лишившись такого князя, даже не думала сопротивляться.

Ярослав вступил в Киев победителем. Новгородцев он награждал деньгами, даровал им значительные привилегии. Сократил подати в казну, город получил самоуправление в своих внутренних делах, отныне он сам избирал не только тысяцкого, но и посадника. Св. Бориса убийцы закопали в земле рядом с церковью в Вышгороде. Ярослав перезахоронил его в княжеской гробнице. Специально послал священников под Смоленск на поиски тела св. Глеба. А над местом, где его спрятали, люди стали замечать необычное – то столп света, то огонек свечи. По рассказам о таких явлениях мощи удалось найти, их перенесли в Вышгород и похоронили рядом с братом [85].

Но завершая рассказ об этих событиях, стоит еще раз коснуться вопроса, кто же организовал переворот Святополка Окаянного? Его союз с печенегам сам по себе говорит о многом. Но обращают внимание и некоторые другие факты. Ведь в Тмутаракани княжил еще один сын св. Владимира, Мстислав. И к нему Святополк почему-то не посылал убийц. Странно, правда? Хотя странность объяснялась довольно просто. Современники вспоминали, что Мстислав был толстым, румяным, сильным, храбрым. А при этом недалеким и простодушным. Греки опутали его по рукам и ногам. Видимо, он и женат был на знатной гречанке.

На Руси резали его братьев, в битве под Любечем решалась судьба страны, но храбрый Мстислав не вмешался! В том же самом 1016 г., когда новгородцы отчаянно отталкивали в Днепр лодки, чтобы не отступать, он был занят совсем другой войной. Против императора Василия Болгаробойцы взбунтовался стратиг Херсонеса Георгий Цуло, и князь по просьбе византийцев выступил подавлять восстание. Воины Мстислава вместе с греческим военачальником Андроником доблестно рубили херсонесцев, сами падали не пойми за чьи интересы, пронзенные херсонесскими стрелами и копьями. Мятежников одолели, пленного Георгия Цуло отправили на расправу в Константинополь. Византийцы похвалили Мстислава, сказали спасибо. Вот вам и ответ на вопрос, с кем был связан Святополк. Кто, кроме греков, мог запретить ему убивать ценного и послушного тмутараканского князя?

Наконец, имеет смысл сопоставить даты. Напомню, как раз перед этим, в сентябре 1014 г., греки разбили и ослепили болгарскую армию, скончался царь Самуил. На Балканах прокатилась целая серия убийств претендентов на престол Болгарии. А святые Борис и Глеб, умерщвленные в 1015 г., были детьми болгарской царевны. Они тоже могли бы предъявить претензии на корону погибшего Болгарского царства. Случайное ли совпадение?

8. Ярослав Мудрый

Латинская церковь, в отличие от русской, добивалась в любой обращаемой стране быстрого и поголовного крещения. Методика была уже отработана. У епископов имелись собственные войска, а короли и князья придавали на усиление своих воинов. Отряды планомерно прочесывали деревни, сгоняли жителей округи в одно место. Делили по сотням, сопровождавшие священники торопливо читали молитвы, толпу обливали водой, давали каждой сотне одно христианское имя, и отряд двигался дальше (отсюда и пошел католический обычай крестить обливанием – с погружением конвейер занял бы больше времени и сил).

Хотя в действительности получалось так, что христианство внедряется еще медленнее, чем на Руси. Ведь священники были немцами, молитвы и службы бормотали на исковерканной латыни, их никто не понимал. Люди воспринимали крещение как некий колдовской обряд. Именно поэтому прибалтийские славяне жестоко сопротивлялись попыткам крестить их. Население Польши, полностью окрещенное, продолжало жить вполне по язычески. Зато оно платило десятую часть доходов церкви, и это признавалось достаточным.

Знать тоже не понимала латыни, оставалась неграмотной, и о христианстве имела самые смутные представления. Пе-

рестраивать и переосмысливать свою жизнь не считала нужным. Зачем? Грамотные и полуграмотные священники одновременно занимали посты министров, секретарей, соперничали между собой за теплые места, и ради этого легко отпускали любые грехи. При дворе польского короля Болеслава Храброго нравы царили самые распущенные. Король открыто содержал наложниц, не оставлял без внимания придворных аристократок. Несмотря на уродливо расплывшиеся тела монарха, польские дамы почитали великой честью потерпеть на себе груз венценосного мяса и жира: объятия Болеслава обеспечивали щедрые подарки, карьеру мужьям и детям.

Разумеется, королю подражали его вельможи, рыцари. Многие продолжали участвовать в разгульных языческих обрядах. Стоило ли отказывать себе в удовольствии попрыгать на игрищах среди голых девок, подзавестись в темных ночных ритуалах, где все дозволено? Но когда речь шла о захвате земель язычников, поморян или лютичей, поляки сразу же вспоминали, что они христиане и выполняют священную миссию. Вспоминали и в войнах с немцами, союзниками которых выступали лютичи. Раз немцы дружат с язычниками, значит и сами не настоящие христиане, а мы настоящие – бей их!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.